

Русская Православная Церковь
Московский Патриархат
Алтайская митрополия

**Труды
Барнаульской
духовной семинарии**

Выпуск 16

Барнаул – 2025

Главный редактор

Высокопреосвященнейший Сергий (Иванников)

митрополит Барнаульский и Алтайский, кандидат богословия

УДК 23

ББК 86.372

Т78

**Т78 Труды Барнаульской духовной семинарии. —
Вып. 16. — Барнаул, 2025. — 51 с.**

ISBN 978-5-00202-157-4

В настоящий сборник вошли статьи преподавателей, сотрудников и выпускников Барнаульской духовной семинарии, раскрывающие перед читателем различные стороны богословских, исторических и педагогических аспектов исследований, находящихся в сфере их научных интересов.

Издание адресовано самому широкому кругу читателей, интересующихся проблемами современного православного богословия и истории православия.

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

**Митрополит Барнаульский и Алтайский Сергий
(С. И. Иванников)**, канд. богословия, глава Алтайской митрополии

Научный редактор

Крейдун Юрий Александрович, протоиерей Георгий,
д. искусствоведения, канд. физ.-мат. наук, канд. богословия, доцент,
заведующий кафедрой богословия и церковно-практических дисциплин
Барнаульской духовной семинарии

Заместитель главного редактора

Бочкар Анатолий Петрович, иерей, врио ректора
Барнаульской духовной семинарии

Ответственный секретарь

Прокопьева Наталия Валентиновна, канд. социол. наук,
доцент, ведущий специалист учебно-методического отдела Барнаульской
духовной семинарии

РЕДАКЦИЯ

Бармин Валерий Анатольевич, д. ист. наук, профессор (Россия, Барнаул);
Скопа Виталий Александрович, д. ист. наук, профессор (Россия, Барнаул);
Мельников Иван Геннадьевич, протоиерей Иоанн, канд. богословия, доцент
(Россия, Барнаул);
Макаров Иван Викторович, иерей, канд. филос.наук, (Россия, Барнаул);
Пашкевич Татьяна Владимировна, канд. филос.наук, доцент (Россия,
Барнаул);

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Крейдун Ю. А., протоиерей.</i> Социальная и благотворительная деятельность протоиерея Анемподиста Завадовского в Барнауле.....	5
<i>Изосимов А. А., иерей.</i> Богоборческая политика советского государства в отношении Русской Православной Церкви на Алтае в 20-е годы XX века (по материалам местной периодической печати).....	13
<i>Овчинников Т. А.</i> Служба свт. Петру Цетиньскому чудотворцу в новом Сербляке: история создания, поэтика и богословие.....	25
<i>Прокопьева Н. В., Черкашина М. В.</i> Художественные практики как средство церковного социального служения.....	31
<i>Павленков Н. Р.</i> Испытания Русской Православной Церкви в годы Великой Отечественной войны: противостояние оккупантам и примирение с советской властью глазами молодежи.....	35
<i>Балак П. А.</i> Конкретизация роли научного руководителя как духовного наставника молодого ученого.....	44

СОЦИАЛЬНАЯ И БЛАГОТВОРИТЕЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ПРОТОИЕРЕЯ АНЕМПОДИСТА ЗАВАДОВСКОГО В БАРНАУЛЕ

Крейдун Ю.А., протоиерей
Барнаульская духовная семинария
Барнаул, Российская Федерация
cans.bds@mail.ru

Аннотация

Русская Православная церковь в XIX веке на Алтае осуществляла социальную и благотворительную деятельность. Одним из выдающихся деятелей был протоиерей Анемподист Завадовский. Его деятельность во второй половине XIX – начале XX века включала целый ряд направлений социальной деятельности и благотворительности. Автор анализирует основные направления и результаты деятельности выдающегося служителя Церкви в контексте осуществления храмопечения, настоятельской и просветительской деятельности.

Ключевые слова: Барнаул, протоиерей Анемподист Завадовский, благотворительность, история Русской Православной церкви на Алтае.

Личность протоиерея Анемподиста Завадовского является заметной в дореволюционный период жизни Барнаула, а его труды на поприще служения Императору и Духовному ведомству отмечены многочисленными наградами и грамотами, поэтому исследователи истории Русской Православной Церкви на Алтае уделяют деятельности отца Анемподиста особое внимание, освещены факты биографии выдающегося священника, этапы его деятельности [см., например, 1]. В настоящей статье остановимся на анализе социальной и благотворительной деятельности как одного из аспектов его многогранной деятельности.

Благотворительная и социальная деятельность отца Анемподиста была в первую очередь связана с местами его служения соборе, в тюремной и кладбищенских церквях.

Проотоиерей Анемподист Завадовский осуществлял настоятельскую деятельность в Градо-Барнаульской Петро-Павловской соборной церкви. Дело не ограничивается Собором. Он заботится также и о приписных к Собору храмах: Вознесенском деревянном (находился в Барнауле в районе ул. Чкалова за просп. Комсомольским), а также двух кладбищенских храмах (Крестовоздвиженском и Иоанно-Предтеченском) [2, с. 52]. А это значит, в ведении настоятеля было не только богослужение в храмах, но и состояние кладбищенских территорий, это было в 1910 г. Чуть позже Крестовоздвиженский храм был приписан в Покровской церкви в Заячьей слободе. Но это не сильно уменьшило забот для настоятеля Собора и благочинного 17-го барнаульского городского округа. Дело в том, что по распоряжению консистории, учитывая бедность Покровского прихода, Петропавловскому городскому собору

предписывалось оказывать регулярную материальную помощь на содержание Покровского трехпрестольного храма. Напомним, что в должности благочинного 17-го округа протоиерей А. Завадовский находился уже более 30 лет, с 1879 г. [3, с. 12].

Помимо этого, как общественный попечитель многих образовательных и благотворительных организаций города протоиерей Анемподист Завадовский заведует, то есть несет личную заботу о домовой церкви во имя Сопшествия Святого Духа на Апостолов. Она находилась в трёх верстах от города при доме призрения детей и детской при нём колонии. Церковь располагалась в одной из комнат деревянного здания приюта и была освящена в 1906 году. Штатных священников и содержания в этой церкви не было. Богослужение совершалось регулярно, но по особому графику от администрации колонии. По поручению благочинного, службы совершал приглашённый священник Пётр Серебренников [3, с. 122-123].

Настоятелем Александро-Невской тюремной церкви г. Барнаула Завадовский был определен 14 апреля 1879 г., а с 10 февраля 1883 г. Анемподист Антонович уже состоял директором Барнаульского отделения общества попечения о тюрьмах. Источники свидетельствуют, что на протяжении трех десятилетий отец Анемподист осуществлял социальное и благотворительное служение в тюрьмах: в 1910 году протоиерей Анемподист Завадовский продолжает числиться «в попечительном о тюрьмах отделении» в должности «обязательного директора» [2, с. 50]. Дело в том, что структура многих организаций дореволюционного периода была построена по определённым номенклатурным стандартам, и в попечительских отделениях подобного типа были так называемые «обязательные директора». На такую должность автоматически попадал человек, имеющий должности в других ведомственных структурах, а Завадовский как раз состоял благочинным городских церквей, то есть попадал в список «обязательных директоров» по формальным признакам. Одновременно с этим данная должность давно была за Анемподистом Завадовским. Его приглашали к участию в попечительстве о тюрьмах задолго до того по случаю болезни предыдущего настоятеля Градо-Барнаульской Петро-Павловской соборной церкви протоиерея Ломшакова. А духовным окормлением заключенных в качестве священника Барнаульской тюремной церкви о. Анемподист стал еще в 1881 г.

В 1881 г. обсуждалась кандидатура Завадовского о его назначении на должность руководителя попечительства о кладбищенской церкви Барнаула, о чём Анемподисту Антоновичу поступило предложение занять эту должность [4]. Помимо богослужения в кладбищенской церкви, попечительство предполагало и решение таких вопросов как захоронение по разрядам. Всего было определено четыре разряда и 1-ый из них находился рядом с церковью, где хоронили крупных капиталовладельцев, чиновников и их родственников. Большая же часть кладбища была занята захоронениями самого низшего 4-го разряда. Ко времени назначения

Анемподиста Завадовского на должность руководителя кладбищенского попечительства уже начинала назревать проблема переполненности кладбища, так как ежегодно здесь производилось от 300 до 450 захоронений [5]. По этой причине, позже на рубеже веков будет выделено новое место под захоронения в конце Московского (ныне Ленинского) проспекта города, хотя на «старом» Нагорном кладбище продолжат производить захоронения вплоть до первой трети XX века. В августе 1881 г. Завадовскому сообщили о его новом назначении, и он стал руководителем попечительства о кладбищенской церкви Барнаула [6]. 3 октября 1885 г. Завадовский избирается на пост Председателя кладбищенского Попечительства [7, с. 287].

30 декабря 1889 г. за значительный сбор денежных пожертвований в пользу беспомощных лиц духовного звания по благотворительному листу Завадовскому объявлено Архиpastырское благословение, а 1 апреля 1890 г. «за заслуги по духовному ведомству» он награждён золотым наперсным крестом.

Протоиерей Анемподист Завадовский являлся членом ряда светских и церковных обществ, осуществлявших свою деятельность на Алтае. В их составе он занимался социальной и благотворительной деятельностью. Остановимся на кратком анализе сведений исторических источников, дающих представление об этом.

11 сентября 1895 г. протоиерей Анемподист Завадовский становится действительным членом Православного миссионерского общества, после внесения положенного вступительного взноса в сумме 3 руб., о чём получает соответствующее свидетельство, заверенное подписью епископа Томского Макария и официальной печатью:

«Свидетельство о. Протоиерею Анемподисту Завадовскому внесшему в текущем году в пользу Православного Миссионерского Общества 3 руб., на основании § 16 высочайше утвержденного Устава Пр. Мисс. Общ., присвоено звание Действительного Члена Православного Миссионерского Общества, в котором он будет состоять до тех пор, пока ежегодно будет вносить в пользу общества не менее трёх рублей. В удостоверении чего, на основании § 18 Устава и выдано ему Томским Комитетом Православного Миссионерского Общества сие свидетельство за надлежащим подписом и печатью. 1895 года, сентября 11 дня» [8].

Мысль о необходимости создания Православного миссионерского общества принадлежала архимандриту Макарию (Глухарёву), который считал, что такое объединение будет способствовать работе православных миссий по всей Российской империи. Общество было учреждено в 1865 г. и находилось под покровительством действующей императрицы, а существовало на пожертвования деньгами, церковной утварью, книгами, иконами и другими полезными и необходимыми средствами. Первоначально созданное Православное миссионерское общество просуществовало всего четыре года и по причине всевозможных

разногласий было упразднено специальным указом императора Александра II.

Вновь Общество сформировалось только после разработки нового устава и установления порядка руководства Обществом московским советом под председательством митрополита Московского и архиерейском председательском руководстве специальными комиссиями в епархиях. Император утвердил новый устав и первое заседание Православного миссионерского общества состоялось в Москве в начале 1870 г. В ведение Общества на местах входило издание книг с описанием состояния российских православных миссий, также Общество имело право открывать новые миссии, школы, церкви и больничные учреждения [9]. Вступление в Православное миссионерское общество предполагало регулярные денежные взносы и исполнение обязанностей без обязательной оплаты [10].

Протоиерей Анемподист Завадовский в течение многих лет продолжал поддержку миссионерской деятельности, ежегодно внося по 3 руб. пожертвования на нужды Православного миссионерского общества. В 1897 году он был удостоен звания действительного члена Общества, о чем было выдано свидетельство за подписью епископа Макария (Невского):

«Свидетельство. Протоиерею Анемподисту Завдовскому изъявившему, желание ежегодно вносить в пользу Православного Миссионерского Общества по 3 рубля на основании Высочайше утверждённого устава Пр. Мисс. Общ. § 16 присвоено звание Действительного Члена Православного Миссионерского Общества. В удостоверении чего и вручается ему, протоиерею Завдовскому на основании § 18 Устава Томским Комитетом Православного Миссионерского Общества сие свидетельство за надлежащим подписом и печатью 1897 года января 2 дня» [10].

4 апреля 1894 г. был открыт Томский отдел Императорского Православного Палестинского общества (ИППО). 24 февраля 1900 г. протоиерей Анемподист Антонович Завадовский был избран членом-сотрудником Императорского православного Палестинского Общества. Как известно, в губернии действовало Томское отделение этого общества. Его возглавлял в это время архиепископ Томский и Алтайский Макарий (Невский). Они с молодости хорошо были знакомы с протоиереем Анемподистом еще в пору работы в Алтайской духовной миссии. Владыка Макарий очень ценил труды и духовный авторитет благочинного 17 округа. Поэтому посчитал важным пригласить о. Анемподиста к работе в Императорском Православном Палестинском обществе. Вместе с ними в этом обществе состояли и другие выдающиеся жители Алтая. В 1911 г. председателем Томского отдела Общества архиепископом Томским и Алтайским Макарием (Невским) протоиерей Анемподист Завадовский был назначен уполномоченным отдела ИППО для г. Барнаула [3, с. 55].

В 1895 г. протоиерей Завадовский становится председателем братства Св. Димитрия Ростовского и пробудет на этой должности до 1904 г. Помимо текущих вопросов, братство занималось и такой работой

как учёт на вверенной территории количества проживающих раскольников.

Протоиерей Анемподист Завадовский являлся членом местного управления общества Красного Креста, основная деятельность которого была связана с осуществлением благотворительности и социальной работы. Исторический источник содержит свидетельство о высокой оценке многолетней деятельности отца Анемподиста в составе этого общества: в 1908 г. о. Анемподисту Завадовскому предоставляется право ношения знака от Общества Красного Креста:

«Свидетельство. С соизволения Августейшей Покровительницы Российского общества Красного Креста Государыни Императрицы Марии Фёдоровны, по постановлению Главного Управления общества марта 6 1908 года, предоставлено право ношения Высочайше установленного 24 июня 1899 года знака Красного Креста Члену Барнаульского Местного-Управления Красного Креста о. протоиерею Анемподисту Завадовскому. С. Петербург, апрель 26 дня 1908 года» [11].

Данный Знак вручался членам Общества за: 1) за заслуги в период военных действий или общественных бедствий; 2) за многолетнюю полезную деятельность; 3) за внесение крупных денежных пожертвований [12, с. 648-665; 13, с. 17-20]. Скорее всего, Анемподисту Завадовскому данный знак был вручен на основании второго пункта, так как о его крупных денежных пожертвованиях из личных средств ничего не известно, а военных действий или каких-либо крупных общественных бедствий на тот период не происходило.

Протоиерей Анемподист Завадовский входил в состав попечительских советов при образовательных и социальных учреждениях региона.

В 1896 году назначают председателем Барнаульского отделения епархиального училищного совета, а 26 февраля 1896 г. награждают серебряной медалью в память «незабвенного Царя Миротворца Александра III» с правом ношения данной медали на ленте ордена Св. Александра Невского [14].

30 апреля 1897 года протоиерей Анемподист Завадовский за труды по всеобщей переписи населения получает тёмно-бронзовую медаль с правом ношения её на ленте государственных цветов и орденский знак в память векового юбилея Мариинских детских приютов ведомства Императрицы Марии [15].

Участие Церкви и духовенства в переписи было не просто общественная повинность. Церковь было наделена некоторыми функциями гражданского учета. При каждом приходском храме велись метрические книги с записями родившихся (крестившихся), венчающихся (вступающим в брак) и умерших. Это, по сути, были функции ЗАГСа в современной терминологии. Отдельно шла регистрация бывших у исповеди и с какой периодичностью происходило посещение церкви и исповедание в грехах каждого человека, приписанного к тому или иному приходу. Священники также занимались учетом представителей

различных конфессий, проживающих на территории Российской империи. Следовательно, реальный учет населения Российской империи велся в церковных книгах. Поэтому проведение всеобщей переписи населения в то время было невозможно без духовенства. Поскольку это была дополнительная нагрузка для духовенства, за участие в переписи были учреждены памятные награды.

Важно отметить то значение, которое действующая власть придавала процессу и результатам переписи населения. От итогов переписи зависело то количество налогов, которое возможно было собрать в казну. Поэтому всех, кто активно способствовал данному процессу учёта налогоплательщиков старались отметить. Крестьянское население не спешило расставаться с привычным общинным укладом и всячески старалось сократить свои оброчные выплаты, которые, надо сказать, и так были довольно высоки. Духовное ведомство вынуждено было выявлять всех реальных жителей в приходских селах, даже тех, кто стремился избегать участия в переписи. Думается, что таковых было не много, разве только беглые нарушители правопорядка. По результатам переписи, очевидно, власть формировала запросы на сбор налоговых (или оброчных) выплат.

К концу XIX века перепись населения обрела особо важное значение для алтайских земель. Государственная политика стимулировала переселение крестьянства из европейской части Российской империи на юг Западной Сибири. Этот процесс обрел массовый характер, с 1884 по 1892 годы на Алтай ежегодно прибывало до 25 тысяч переселенцев [16]. Соответственно возросла потребность в открытии новых школ и строительстве церквей в переселенческих участках, к которым переселенцы приписаны. Как благочинный 17-го округа протоиерей Анемподист Завадовский собирал информацию по переписи от всех представителей духовенства своего благочиния и итоговый отчёт отправлял в соответствующие государственные инстанции.

Источники сохранили свидетельства об успешной деятельности отца Анемподиста на посту председателя попечительского совета Мариинского детского приюта. В начале 1898 г. Завадовскому, как председателю попечительства Мариинского детского приюта, приходит документ о праве ношения особого вензельного знака, который получили все, кто состоял в структуре государственных ведомств, в которую входила и система приютов ведомства императрицы Марии Фёдоровны:

«12 марта 1898 г. Господину Представителю Попечительства Мариинского детского приюта о. протоиерею Анемподисту Завадовскому.

Барнаульское Попечительство Мариинского детского приюта имеет честь препроводить Вашему Высокопротоиерейству выписанный на Вашу честь Высочайше утверждённый 2 мая 1827 года особый вензлевый знак для ношения на правой стороне груди, в память исполнившегося столетия существования Ведомства учреждений Императрицы Марии, право ношения которого, распространено на всех

вообще лиц обоего пола, состоявших 2 мая 1897 года в учреждениях сего Ведомства, в котором Вы состояли тогда в числе Членов Попечителей. Действующий Член Попечительства» [17].

Интересно, что финансирование данного ведомства производилось не только из казны, но и от частных пожертвований, в частности от продажи игральных карт, доходов с увеселительных заведений, кредитных учреждений, фондов недвижимости и некоторых фабрик и заводов [18, с. 234].

Отец Анемподист являлся членом Барнаульского пожарного общества. Пожары и борьба с их последствиями была важной социальной проблемой того периода. По свидетельству источника, протоиерей Анемподист Завадовский занимался и ее решением: грамота, сохранившаяся в Государственном архиве Алтайского края, относится к награждению Анемподиста Завадовского серебряным знаком Барнаульского пожарного общества и датируется 1916 г.:

«Императорское Российское Пожарное Общество состоящее под Августейшим Председательством Е.И.В. Великой княгини Марии Павловны.

Дана члену-жертвователю Барнаульского пожарного общ. о. Анемподисту Завадовскому, на основании №10 Высочайше утверждённого устава, в удостоверении награждения серебряным наградным знаком Общества последовавшего 22 июля 1916 г.» [19].

Масштаб личности протоиерея Анемподиста Завадовского, его активная жизненная позиция, знания и опыт, в том числе педагогический, позволял совмещать работу в светских и церковных учебных заведениях, в благотворительных организациях. Результаты многолетней благотворительной и социальной деятельности отца Анемподиста были оценены светскими и церковными наградами, что позволяет сделать вывод о значимости вклада этого выдающегося церковного и общественного деятеля в развитие региона.

Литература:

1. Крейдун Ю. А., протоиерей. Храмы протоиерея Анемподиста Завадовского // Вестник Барнаульской духовной семинарии. – 2025. – № 4 (8). – С. 58–66.
2. Справочник по городу Барнаулу и Барнаульскому уезду за 1910 год // Издан Барнаульским уездным исправником М. Н. Белоносовым при ближайшем сотрудничестве Секретаря Полицейского Управления П. И. Васильева. – Барнаул: Типография П. Орнагского, В. Шпунтовича и В. Шестакова, 1910.
3. Справочная книга по Томской епархии за 1909–10 год с дополнениями и изменениями в личном составе священно-церковно-служителей по 1-е марта 1911 г. – Томск: Типография приюта и дома трудолюбия, 1911. – 810 с.
4. Краевое государственное казенное учреждение «Государственный архив Алтайского края» (КГКУ ГААК). – Ф. Р-536. – Оп.1. – Д. 85. – Л. 40-40 об.
5. Краевое государственное казенное учреждение «Государственный архив Алтайского края» (КГКУ ГААК). – Ф. Д-219. – Оп. 1. – Д. 12. – Л. 6-6 об.
6. Краевое государственное казенное учреждение «Государственный архив Алтайского края» (КГКУ ГААК). – Ф. Р-536. – Оп.1. – Д. 85. – Л. 37-37 об.

7. Справочная книга по Томской епархии за 1902/03 год / Под ред. секретаря Томской епархии Д. Е. Березова. – Томск: Тип. епархиального братства, 1903. – 588 с.

8. Краевое государственное казенное учреждение «Государственный архив Алтайского края» (КГКУ ГААК). – Ф. Р-536. – Оп.1. – Д. 85. – Л. 24.

9. Никольский А. В., прот. Православное миссионерское общество: Историческая записка о деятельности Общества за истекшее 25-летие (1870-1895 гг.) – М.: Печ. А.И. Снегиревой, 1895. – 145 с., 1 л. портр.

10. Краевое государственное казенное учреждение «Государственный архив Алтайского края» (КГКУ ГААК). – Ф. Р-536. – Оп.1. – Д. 85. – Л. 27

11. Краевое государственное казенное учреждение «Государственный архив Алтайского края» (КГКУ ГААК). – Ф. Р-536. – Оп.1. – Д. 85. – Л. 5.

12. Собрание законодательства Российской империи. Т. 1., Ч. 2., Кн. 8. – СПб., 1892.

13. Шкабельников Г. З., Петров П. И. Знаки благотворительных обществ и правила награждения ими лиц за оказанную помощь делами благотворения. – Санкт-Петербург: тип. А. Михайлова, 1902-1903

14. Собрание законодательства Российской империи. Т. 1., Ч. 2., Кн. 8. – СПб., 1902, Вып. 1.

15. Краевое государственное казенное учреждение «Государственный архив Алтайского края» (КГКУ ГААК). – Ф. Р-536. – Оп.1. – Д. 85. – Л. 25.

16. Краевое государственное казенное учреждение «Государственный архив Алтайского края» (КГКУ ГААК). – Ф. Р-536. – Оп.1. – Д. 85. – Л. 28.

17. Волоснов Р. Ю. Сельское культовое зодчество Алтая конца XIX – начала XX вв. // Мир науки, культуры, образования, № 5(12), 2008, С. 118-122.

18. Краевое государственное казенное учреждение «Государственный архив Алтайского края» (КГКУ ГААК). – Ф. Р-536. – Оп.1. – Д. 85. – Л. 29-29 об.

19. Ульянова Г. Н. Ведомство учреждений императрицы Марии // Большая российская энциклопедия: (в 35 т.), гл.ред. Ю. С. Осипов. – М.: Большая российская энциклопедия, 2004-2017.

20. Краевое государственное казенное учреждение «Государственный архив Алтайского края» (КГКУ ГААК). – Ф. Р-536. – Оп.1. – Д. 85. – Л. 14.

Сведения об авторе

Крейдун Юрий Александрович, протоиерей, РО – ДОО ВО «Барнаульская духовная семинария Барнаульской Епархии Русской Православной Церкви», Россия, г. Барнаул; e-mail: cans.bds@mail.ru; 656008, Россия, Алтайский край, г. Барнаул, пер. Ядринцева, 66; первый проректор, заведующий кафедрой богословия и церковно-практических дисциплин, доктор искусствоведения, кандидат физико-математических наук, кандидат богословия, доцент.

БОГОБОРЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА СОВЕТСКОГО ГОСУДАРСТВА В ОТНОШЕНИИ РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ НА АЛТАЕ В 20-Е ГОДЫ XX ВЕКА (ПО МАТЕРИАЛАМ МЕСТНОЙ ПЕРИОДИЧЕСКОЙ ПЕЧАТИ)

Изосимов А. А., иерей

Барнаульская духовная семинария

Барнаул, Российская Федерация

pokrovbds@yandex.ru

Аннотация

В данном исследовании автор анализирует факты из жизни-выживания Русской Православной Церкви в первом десятилетии существования советского государства, делается акцент на малоизвестные факты регионального значения, в том числе из повседневного быта жителей Алтайского края.

Ключевые слова: Русская Православная Церковь, храмы, духовенство, изъятие церковных ценностей, периодическая печать.

Русская Православная Церковь в период гонений на Алтае приняла сокрушительный удар. Невосполнимой утратой для жителей края стала гибель сотен священнослужителей, монашествующих и мирян.

За годы гонений разрушены все сферы церковной деятельности и, прежде всего, жители края лишились пастырского окормления; возможности притекать к Таинствам церковным были максимально ограничены.

В основе политики богооборческой власти по отношению к РПЦ и православному духовенству лежит секретное письмо В. И. Ленина В. М. Молотову и членам политбюро.

Были изучены и проанализированы страницы газет («Красный Алтай», «Алтайская Правда», «Звезда Алтая») в период с 1920 – 1930 гг. Не все газеты доступны, так как некоторые из них утеряны или не оцифрованы по причине плохого состояния.

Прослежена динамика антирелигиозной пропаганды. Если в дореволюционное время Церковь могла потребовать извинений от СМИ, то с приходом богооборческой советской власти вся пресса была настроена против религии.

Газета «Красная степь» издавалась в г. Рубцове с 1922 г. Она была предназначена для крестьян, выходила по вторникам и пятницам. В 1924 г. круг читателей доходил до 313 578 чел. [1].

Также привлечены материалы из «Правды» – газеты, которая была влиятельным центральным партийным изданием. В первую очередь, объясним, как в целом трактовалась религия в прессе Алтая в период становления советского строя. Она была представлена в качестве

«могучего оружия капиталистов». Сторонники советской власти говорили о том, что религия нужна была самодержавию для того, чтобы «затемнять рабочие и крестьянские массы». Подчеркивалась несовместимость религии и коммунизма. Автор одной из статей заявлял: «Религия – рабство мысли» [2]. В то же время создавалась парадоксальная ситуация: коммунизм по сути своей был аналогичен религии.

Суть коммунистической идеологии следует раскрыть через сравнительный атрибутивный и дискурсный ряд, выделенный Л.И. Сосковец: «портреты – иконы, лозунги – хоругви, «Краткий курс» – Священное Писание, коммунизм – Царствие Небесное» [3, с. 69] и т. д. В псевдорелигиозном учении личность В. И. Ленина также занимала свою нишу. В прессе его называли пророком нового человечества, апостолом коммунизма, от которого зависели судьбы не только России, но и всего мира [4].

Итак, псевдорелигия в первой половине 1920-х годов формировалась на тех же принципах, что и традиционная религия, существующая столетиями. Был выбран пророк человечества – В.И. Ленин, а также сформированы коммунистические каноны, которые являлись необходимой частью любого религиозного учения.

Остановимся на сравнительном анализе основных религиозных обрядов и тех «тайств», которые пришли им на смену в первой половине 1920-х годов: крещение – «октябрини», венчание – «красная свадьба», церковный похоронный обряд – «гражданские похороны».

Рождение ребенка испокон веков являлось важным событием для каждой семьи, а крещение – одним из основных тайнств. Большевики понимали, что атеизация населения в одночасье невозможна, так как сложно сломать стереотипы, укорененные многовековым опытом. Поэтому на смену крестинам пришли «октябрини» (пролетарские «крестины» [5, с 66] или «крестины с музыкой» [6]), которые широко пропагандировались на страницах газет. Значимость обряда для нового общества четко обозначена в центральных газетах. По мнению большевиков, крестины являлись признаком верности буржуазным отношениям, а «октябрини» символизировали торжественное приобщение ребенка к общественной солидарности своего класса. Таким образом, «октябрить» младенца – значило «дать присягу воспитывать не рабов для буржуазии, а бойцов против нее» [7]. К тому же, в прессе открыто писали о том, что «октябрини» – это один из действенных методов антирелигиозной пропаганды, так как семья с ребенком на руках, публично отвергающая крещение в церкви, сильнее подействует на общественное сознание, чем десяток докладов и лекций на данную тему [8].

В рассматриваемый период это явление вызывало интерес и ажиотаж: «Посмотреть на октябрини сбежалась вся Березовка» [9], «октябрини проходили в избе-читальне, которая была переполнена крестьянами» [10] и т.д.

Мероприятие проходило торжественно. Если проводить параллель с церковным крещением ребенка, то мы увидим прямую аналогию с ним «октябрин». Залы, в которых проходили подобные действия, торжественно украшались. Вместо церковного убранства были портреты вождей революции, разноцветные флаги и т.д. Роль священника играли представители райкома РКП(б) и других партийных организаций. Молитвы, читаемые во время крещения, заменялись «приветственными речами» [9]. Житель села Титовки Сокулин, передавая своего ребенка секретарю ячейки РКП (б), сказал: «*Отдаю своего сына на пополнение рядов комсомола*» [10]. В селе Боровском у гражданина Федорова родилась дочь. Он в 12 часов дня пригласил своих товарищ (членов партии и беспартийных), всего собралось не менее 18 чел. Избрали президиум: двух мужчин и двух женщин. Была зачитана повестка дня, в которой приоритетным вопросом стал выбор имени для новорожденной [11].

В коммунистической псевдорелигии были и свои крестные отцы, и матери – «шефы». Шефство представляло собой систематические агитационные поездки заслуженных промышленных рабочих в деревни для просвещения и организации мелких производителей в товарищеские трудовые объединения. Основная цель шефства состояла в том, чтобы поднять материальный, культурный и технический уровень деревни до уровня города [12]. Так, у новорожденного младенца Евсеева волостная организация женщин являлась «шефом» ребенка. На «октябринах» «шефу» было высказано пожелание: «*Воспитывать ребенка в коммунистическом духе*» [13].

Немаловажным вопросом был выбор имени для младенца. При крещении новорожденному давали имя святого, в день которого он родился. Во время «октябрин», как правило, детей называли в честь известных революционных деятелей: Владимира Ленина [9], Клары Цеткин, Розы Люксембург [11; 14] и т.д.

Были изобретены новые имена: Октябрина, Декабрист, Ноябрина, Тракторина, Владлен (Владимир Ленин), Дамир («Даёшь мировую революцию!»), Баррика да, Бухари на (от фамилии Н. И. Бухарина), Валтерперженка («Валентина Терешкова – первая женщина-космонавт»), Даздронагорн («Да здравствует народ Гондураса!»), Даздрaperма («Да здравствует Первое мая!»), Даис («Да здравствуют Ленин и Сталин!») и так далее.

Для того чтобы вызвать негативную реакцию у населения к церкви и настроить на обряды «нового советского быта» в статьях использовалась концентрированная негативная информация, не всегда соответствовавшая действительности. Так, Сокулин, который «октябрил» своего второго ребенка, пережил трагедию – смерть первого. Виной всему, по словам автора статьи, было крещение, так как через два дня после церковного обряда у младенца тело покрылось болячками, а через два месяца он умер [10]. Октябрини в этом случае противопоставлены крестинам и представлены в качестве некоего спасительного ритуала,

благодаря которому ребенок должен был удостоиться долгой и счастливой жизни, целью которой было служение Родине.

Свадебный обряд также являлся большевистским заимствованием из религиозных традиций. Большевики ввели такое понятие, как «*Красная свадьба*» или «*Советская свадьба*» [14]. Так, на страницах газет была описана свадьба курсанта Барнаульского рабфака Гребешкова и секретаря ячейки РКСМ Факушиной. Торжество было открыто докладом о новом быте и красных свадьбах, в котором доказывалось, «что не поповский венец дает тесный союз, а полное уважение друг к другу». Муж и жена рассматривались как «равноправные между собой товарищи». «*Красная свадьба*» закончилась пением революционных песен [15].

Гражданские похороны тоже занимали немаловажное место в формирующихся социалистических обрядах. Газетные публикации, относящиеся к рассматриваемому вопросу, были пронизаны советской символикой. Традиционное надгробие с крестом менялось на памятник со звездой: «*Поставили памятник со звездой*» [16]. К символике, являющейся частью формирующейся псевдорелигии, относится и марш, который использовался на похоронах: «*Звуки похоронного марша улетали далеко за село*» [16]; «*стройным хором местной коммуны был спет похоронный марш „Вы жертвою пали в борьбе роковой“*» [17]. На могилах умерших выступали представители местных ячеек РКП(б) и члены союзов, которые озвучивали не только заслуги покойных, но и успевали прочитать антирелигиозные лекции [18].

Были запрещены все Церковные праздники, запрещена Рождественская елка, а пролетарский поэт Демьян Бедный писал: «*Только тот, кто друг попов – елку праздновать готов*». Тем не менее, елку ставили подпольно, и в 1937 году официально разрешили ставить елку, но уже не Рождественскую, а Новогоднюю. Вифлеемская звезда была заменена на звезду пятиконечную, а ангелочки на шарики с изображением Сталина. Люди неохотно покупали эти шарики, так как разбить шарик с изображением вождя было идеологической диверсией.

Интерес населения к советским обрядам имел не только духовную основу, но и материальную. Например, в центральных газетах сообщалось о том, что увеличение числа гражданских похорон происходило из-за попов, которые требовали с бедняков высокой платы за обряды [19].

Контекст статей также способствовал внедрению атеистического сознания: «*Похоронили своего товарища без попа и ладана*» [16]; «*пробудилась общая гражданская сознательность – можно обходиться и без попа*» [17].

Итак, журналисты, ориентированные на советский быт, в газетной прессе Алтая первой половины 1920-х годов пытались сосредоточить внимание читателей на ошибочности религиозного сознания, предлагая взамен новую идеологию. Псевдорелигия представлена на страницах газет в парадоксальной форме. С одной стороны, мы видим ярого противника религиозных канонов. С другой стороны, религиозные обряды использовались как клише для адаптации коммунистической идеологии

в обществе. Однако коренным образом изменить систему ценностей и традиционный быт в первой половине 1920-х годов не удалось, так как примеры замещения религиозных обрядов на коммунистические были единичны.

Согласно протестантским положениям, Церковь есть лишь один из институтов общества, и, в частности, ее имущество принадлежит «всему народу», а значит может использоваться на какие-то советские нужды. Так уже летом 1917 года началось переписывание и даже изъятие ценностей Церкви и в «фонд Победы», и для нужд государства. Политическая борьба сторонников власти Советов и Временного Правительства, организационные мероприятия по созданию аппарата новой Алтайской губернии мешали систематизации этого антицерковного дела. Тем более, что Алтай в начале века представлял собой еще более аграрный край, чем сейчас, а в деревне власть богооборческого направления была так непопулярна (как Временного правительства, так и, впоследствии, большевиков), что ее распоряжения почти не выполнялись.

Начавшееся весной и летом 1918 года выполнение этого постановления встретило наряду с другими антинародными мерами большевиков (продразверсткой, мобилизацией в Красную Армию, созданием комитетов бедноты как низовой «ячейки» власти на селе) резкое сопротивление массы населения. В результате уже к осени 1918 года власть богооборцев – большевиков была свергнута. Мятеж чехословацкого корпуса и выступление заговорщиков из бывших офицеров было лишь искрой, массы легко могли бы в Сибири локализовать эти действия, но большевиков поддерживать не захотели, в том числе и за их борьбу против Церкви.

Вскоре, однако, потеряли популярность и белые, ибо требовали бесплатно продовольствия, проводили мобилизацию, реквизировали безвозмездно лошадей, фураж, а крестьяне мечтали жить сами, не неся никаких повинностей в пользу любого государства. Однако предоставленный волей обстоятельств своей власти православный народ к Православной Церкви относился по-прежнему, люди ходили в храмы, исповедовались, причащались, общества выплачивали клирикам обусловленное жалованье, оплачивали требы, к священству относились весьма уважительно в массе. Разумеется, были случаи, когда развращенные развалом императорской армии, убийствами и расправами с офицерами в 1917 году, бывшие фронтовики пытались внушить односельчанам настроения антицерковные, но без поддержки от властей (которых практически еще не было) получали отпор от своих же соседей.

Участие в партизанской борьбе старообрядцев-раскольников, несло совсем другое настроение. Именно партизаны-борцы против Колчака, из «староверов» устраивали расправы над православными клириками, убийства, насилия, издевательства, причем с разграблением и с уничтожением предметов богослужения. А так как в руках этих опьяниенных войной и убийствами людей было оружие, то простые прихожане не всегда могли их остановить.

К началу 1920 года партизанщина на Алтае, в основном, закончилась, а к осени завершается гражданская война, и Советская власть добирается уже до самых глухих уголков губернии. И сразу же начинается активная антицерковная компания, как будто не было других дел в разоренной 6-летним «фронтом без границ» стране. Агенты тайной политической полиции большевиков (Губчека – т. е. Губернского отделения Чрезвычайной Комиссии по борьбе с контрреволюцией и саботажем) провели обыски в домах многих священников и в квартире настоятельницы Барнаульского женского монастыря игумены Мариамны, подозревая их в присвоении каких-то баснословных ценностей. Ничего не нашли. Барнаульский и Тихвинский женские монастыри были ликвидированы, инокинь, работавших портняжим трудом, выгнали на улицу, имущество обителей конфисковали. Как видим, лишь только богоборческая Советская власть почувствовала себя уверенней, подзаконный декрет СНК от 20.01.1918 г. получил дальнейшее «развитие» – общенародное имущество оказалось можно просто конфисковать в пользу власти. Также были ликвидированы домовые, училищные и тюремные церкви с разграбление храмов. «Опьянев» от успехов, стали закрывать и Свято-Дмитриевскую Церковь в Барнауле, а она была приходской. Это вызвало массовое общественное возмущение.

Что же касается безбожной Советской власти, то она и на Алтае быстро показала, как относится к чаяниям «трудового народа», так летом 1921 года Церкви удалось собрать ходатайства зоб православных общин о восстановлении Барнаульского женского монастыря [20], но в декабре 1921 года губернский комитет Российской коммунистической Партии (большевиков) отклонил эту воистину всенародную (в рамках Алтая) просьбу-мольбу. Задержка в несколько месяцев явно вызвана тем, что отказать такому демаршу трудящихся, коммунистические власти решились, очевидно, лишь посоветовавшись с высшим руководством.

Как видим, народ православный старался защитить свою Церковь, такое документальное подтверждение, как письменное прошение зоб приходов губернии (примерно половина людей согласились на приходских собраниях просить власть о восстановлении закрытого монастыря, зная резкое противостояние большевиков Церкви) говорит о многом.

Ведь идеологи атеизма создали миф о том, что после революции весь народ будто бы отвернулся от Церкви. Как видим, это не так. Активных богоборцев было немного, и им сопротивлялись отчаянно. Почему же хранители православных традиций временно потерпели поражение в 20-е – 50-е гг.? Почему несколько сот красноармейцев брали власть в городах не настроенных их поддерживать, а затем, овладев ресурсами городов, подчиняли и сельскую округу? Вероятнее всего, это произошло и из-за православного воспитания большинства народа. Люди, приученные к смиренению, умению любить, уступать и прощать, были попросту неспособны стрелять в своих же собратьев сразу, без разбора и по всякому поводу, как это делали красные. Да, в годы революции и

Гражданской войны победили не всенародное мнение, а наглость и дикая жестокость. Но духовная и историческая победа осталась за Православием. 20-е – 50-е гг. прошлого века – это и урок на будущее: защищать Веру, Церковь, ближних нужно бесстрашно, нельзя попустительствовать врагам, и это не имеет отношения к тому, что личному недругу над подставить и вторую щеку. Деятели Советской власти увидели, что на деле народ в массе не отказывается от Православия, как это сказано в созданных позднее по политическому заказу компартии мифах. Поэтому началось целенаправленное наступление на Церковь. Большевики сделали ставку на раскол, стали поддерживать своих агентов-обновленцев. Разумеется, не все из последних были врагами Православия, многие рядовые клирики и прихожане были обмануты, не разобрались в ситуации, либо просто поставлены перед выбором: присоединяйтесь к обновленцам, либо закроем церковь в вашем приходе.

В вопросе церковного имущества, которое является важным подспорьем в миссии Церкви, Советская власть пошла в решительное наступление уже в начале 1922 г. Был найден и предлог – разразившийся голод в связи с небывалой засухой в Поволжских губерниях России, который дал повод для изъятия ценностей у всех поголовно, включая Церковь. Предполагалось, что не только конфискацией ценностей ослабить Церковь, но и при возможной защите богослужебных сосудов, какие отдавать нельзя, можно будет объявить клириков и активных прихожан в том, что они не желают поступиться «богатствами» ради голодающих, и не выполняют распоряжения властей. А с такими в те революционные годы расправа была скорой и жестокой.

Как видим, вся программа была рассчитана не только на полное ограбление, а значит ослабление Церкви, за счет которой горе-руководители хотели решить все вопросы государственно-хозяйственного строительства, но и на физическое уничтожение клириков и православных мирян. Ведь под определение «реакционное духовенство» и «реакционная буржуазия» можно было «подверстать» любого православного крестьянина, а тем более интеллигента.

На Алтае, как и по всей стране по благословлению Святейшего Патриарха Тихона (Белавина) был еще осенью 1921 года организован Барнаульский Церковный комитет по оказанию помощи населению Поволжья при кафедральном Петро-Павловском соборе главного града губернии. В его состав входили протоиерей Николай Добросердов, протоиерей Леонид Казанцев, иерей Дмитрий Цвигинцев, а также миряне И. Побединцев, А. Сохнов, П. Истомин. Все материальные ценности сдавались через Барнаульский церковный комитет властям, которые требовали пожертвований не денежными знаками, а драгоценными металлами и камнями, ведь считалось, что на вносимое будет закуплено продовольствие за границей. Все эти сборы пожертвований прошли по всем православным храмам Алтайской губернии и уже к началу апреля, несмотря на распятицу, в губернский финансовый отдел «только из храмов Барнаула и ближайших сел

поступило для помощи голодающим Поволжья серебряных изделий более 14 пудов, 194 драгоценных камня в серебряной оправе, а те, кто не имел изделий и монет из драгоценных металлов сдали 644 тысячи рублей дензнаками советского образца.

Православие с его традицией евангельской любви к ближнему вновь познало силу подлинной солидарности и сострадания.

Как видим, Православная Церковь на Алтае в духе завещанного Христом братолюбия успешно собирала средства для помощи пострадавшим от засухи. Но такая ситуация не устраивала деятелей Советской власти, рассчитывавших не на увеличение авторитета Церкви в итоге компании пожертвований, а на ограбление и ослабление ее. Созданная 10 марта 1922 года от властей Алтайская губернская комиссия по изъятию церковных ценностей первым делом распустила Барнаульский церковный комитет по оказанию помощи населению Поволжья. Печально знаменитый своей «революционной бдительностью» Громов лично руководил, чтобы в каждом уезде и волости Алтайской губернии были созданы соответствующие комиссии по изъятию церковных ценностей. Это была всеохватная рука безбожного государства. Интересно, что и центральные, и губернские органы власти почему-то считали, что ценности утаиваются в громадном количестве. Сказывалось не только преувеличенное представление о богатствах Церкви, которая тратила достаточно скучные средства на детские приюты и иное социальное служение, но и недооценка масштабов ограбления храмов и монастырей в годы гражданской войны. На Алтае, где было немало партизан из старообрядцев, это было особенно заметно. Не только от партизан, но и от простых грабителей страдали православные храмы. Так, Иоанно-Предтеченская кладбищенская церковь Барнаула даже в мирное время трижды подвергалась ограблению. Таким образом, советская власть вместо того, чтобы обеспечить мир и порядок, сама, подобно бандитам, хищнически грабила храмы Божии, создав для этого целую систему комиссий под предлогом сбора средств на голодающих Поволжья. Бывали случаи, когда представители местной власти изымали церковные ценности и для собственных нужд.

Подобная картина наблюдалась во всех уездах Алтая, не раз ограбленную Церковь грабили уже «подчистую», а сами заявляли, что «священники скрывают церковное добро».

Таким образом, клирики оказывались ответственными перед властями за возможные кражи, какие власть сама должна была, в силу своих функций, пресекать. В свою очередь, и наркомат юстиции РСФСР 28 марта 1922 года направил секретный циркуляр о привлечении к ответственности за халатность и небрежность в случае, если непосредственные похитители не обнаружены, священников церквей, где произошли кражи. Такое абсурдное положение применялось к православным, в первую очередь, к священнослужителям.

В Барнауле, тогда главном городе Алтайской губернии, власти старались обойтись без эксцессов. Комиссия под руководством члена

ВЦИК, бывшего командира партизанского корпуса, а затем чекиста Игнатья Громова, вначале собрала представителей всех церквей и культов и ознакомила их с порядком изъятия ценностей. В то время (февраль 1922 года) в Барнауле 5 церквей уже были закрыты: собор Богородице – Казанского монастыря, Дмитриевская церковь (тюремная), храмы духовного училища и казенной женской гимназии. Кстати, ценности из монастырского храма и Дмитриевской Церкви хранились на складе губернского отдела народного образования после закрытия церквей, но комиссия Громова до них не добралась, может быть, оставила для губернии.

Изъятие ценностей началось 28 марта с Петропавловского собора к приезду комиссии по изъятию ценностей. Перед началом «работы» Громов рассказал о том, что голодающим надо помочь, в ответ на это один из прихожан – Михаил Петров (священники, как «нетрудовой элемент» по советской терминологии, не рискнули выступать, их легко могли обвинить в контрреволюционности) сообщил, что община на своем собрании постановила оказать поддержку фонду голодающим из имущества храма, раз уж власти решили вопрос о конфискации. Как видим, священник выполнял свою миссию, стараясь даже в крайних условиях внести хоть какой-то мир, уберечь от столкновений и жертв, неизбежно возникших бы в случае возмущения народа. Действуя сообща, порешили: на 27 иконах иконостаса, местнопочтимых и престольных, серебряные ризы оставить, с остальных 62 снять.

Примерно таким же образом были изъяты ценности из остальных восьми еще не закрытых церквей Барнаула. В Покровском храме добровольно-принудительно пожертвовали 30 фунтов серебра, в том числе 13 риз, оставлено только 3. Даже из трижды ограбленной в мирное время Иоанно-Предтеченской Церкви было конфисковано 8 фунтов 64 золотника серебра. Оставшиеся из 9 церквей были совсем бедны и, например, из Свято-Никольской и Крестовоздвиженской изъяли всего по одному кадилу (хоть что-то взять!), из Вознесенской – требный крест и чашу, из Свято-Троицкой – четыре предмета общим весом в два фунта. Всего после нескольких конфискаций в губернский финотдел было доставлено 14 пудов 90 золотников серебра (229,7кг) и 194 драгоценных камня.

А уже через несколько дней начался сбор добровольных личных пожертвований, и тут православные, несмотря на конфискации церковного имущества, не оставили голодающую братию без помощи. Так священник Иоанн Чугалин пожертвовал 5 рублей золотом и серебряный крест, Афанасий Мальцев – серебряную чайную ложку и серебряную солонку, а Кузьма Басалин серебряную пепельницу, всего внесли посильную лепту 200 человек.

После окончания «барнаульского этапа» конфискационной компании председатель губкомиссии И. Громов 10 апреля 1922 года собрал вновь представителей всех храмов и религиозных общин, просил высказать претензии. Православные просили лишь об одном – вернуть

верующим Димитриевскую Церковь и монастырский собор, но власти так и не снизошли к их просьбе.

Далее конфискации начались уже по всему Алтаю. Если в Барнауле власти старались соблюсти хоть какие-то правила приличия, то в глубинке действовали бесцеремонно, во многих храмах изымали даже освященные предметы, что лишило их возможности совершать богослужения.

Бесцеремонность и циничность действий уездных и волостных комиссий вызывала массовые протесты прихожан, ведь в селах безграмотные и опьяневшие властью и недавними убийствами работники сельсоветов и функционеры партичеек не церемонились. Однако, комиссия, очевидно боясь, чтобы ее членов не заподозрили в поблажке религии, настаивала на сдаче исключительно церковных ценностей. Как видим, на практике подтверждается, что целью компаний большевиков и советской власти или к тому периоду полностью узурпированной и монополизированной был не столько сбор средств, сколько удар по Церкви. Примечательно, что в связи с возникшими разногласиями губернские власти посоветовали провести общее согласительное собрание в Михайло-Архангельской Церкви г. Рубцовска. На нем прихожане стали заявлять о своем несогласии с грабежом Церкви, началась свалка, так что представители комиссии здравомысльно увидели всю ненависть к грабителям Церкви, им пришлось даже угрожать оружием. В целях оправдания того, что допустили такую дикую ситуацию, члены комиссии составили доклад с обвинениями.

В решении губернской комиссии по изъятию церковных ценностей по давнему докладу были усмотрены лишь тактические промахи, а в основном поддерживался грубый нажим на Церковь, без старания заключить хоть какой-то компромисс, ведь люди были готовы заменить серебро предметов храма личными вещами из драгоценных металлов.

Рубцовск не являлся исключением. Повсюду на Алтае православные старались не допустить изъятия ценностей хотя бы в своем приходе.

Такая обстановка грозила всеобщим крестьянским восстанием по всему Алтаю, восстанием за поруганную веру.

В общей сложности в православных храмах Алтая с 10 марта по 10 августа в ходе компаний по конфискации церковных ценностей под предлогом помочь жертвам засухи в Поволжье было изъято серебра в изделиях 46 пудов 7 фунтов 2 золотника. Это были кресты, оклады, ризы и даже богослужебные сосуды.

В целом по стране было собрано более 21 пуда золота и 23 тысячи пудов серебра. Это был страшный удар по Церкви, по чувствам всех верующих, показавший, что советская власть настолько далека от традиций народа, что является, фактически, чужеродной для него.

Таким образом, можно сделать вывод, что основными направлениями политики богоборческой Советской власти были ослабление Русской Православной Церкви, «вычленение» ее из общества, ослабление путем как внутреннего обновленческого и «григорьевского»

расколов, так и попыткой оторвать от веры Христовой прихожан. Лучше всего об этом свидетельствуют материалы газет 1920 – 1927 гг.

В исследуемый период храмы активно не закрывали, арестов клириков почти не проводилось, разрешали даже (после уведомления) собрания верующих и крестные ходы вне храмов. Разумеется, было экономическое давление: священство облагали налогом как частных предпринимателей (т. е. по весьма высоким ставкам), с прихожан требовали обязательного страхования церковных зданий и т. д. Обновленцам, особенно их лидеру «архиепископу» Александру Введенскому разрешали устраивать диспуты, ездить по районам, вести дискуссии в защиту христианства.

Однако если мы поднимем подшивки газет того времени, то можно увидеть истинное отношение власть предержащих к служителям Божиим, Церкви, вере, их неуважение конституционных свобод. Ведь и первая советская конституция провозглашала полную свободу совести.

На деле же во всех многочисленных газетах целенаправленно и систематически создается образ Церкви, как общественного врага, образ священнослужителя, как корыстного, злобного, жадного обманщика, к тому же часто и недалекого.

Для наглядности сравнения мы, в нашем исследовании, взяли для примера ряд статей и заметок о церкви и священниках из дореволюционной алтайской прессы (светской). В них рассказывается и об обычных событиях обыденного плана, где духовенство предстает, в общем-то, нейтральным, как люди одной из сфер жизни, спокойно работающие на благо общества. Есть и хвалебные статьи о достойных клириках, есть и «ругательные» о плохих поступках священников.

Советская газета, любого названия и места выхода на Алтае, писала о клириках как о «жадных попах», обманывающих народ, тянувших с него продукты и деньги. О том, что люди все это отдают добровольно, ходят в храм, приглашают священника по своей воле – ни слова.

Представители Церкви – недостойные люди, вот что «вдалбливают» все советские газеты. А иных с 1920 года у нас здесь и не было, как, впрочем, и по всей «Стране Советов».

Много внимания печать уделяет и новым, яростно внедряемым обрядам, искусственно придуманным в противовес таинству крещения, венчания и т. д. Эти «октябриньи», «гражданские панихиды» и так далее, были придуманы, чтобы навязывать какие-то свои коммунистические «церемонии» взамен истинных Таинств. Они плохо приживались, но их яростно «рекламировали» все газеты.

Таким образом, мы делаем вывод, что советская пресса 1920 – 1927 гг., создавая на своих страницах из Церкви и ее служителей образ врага, готовила народ к принятию будущих гонений и повсеместного закрытия храмов в 1929 – 1937 гг.

Список литературы

1. Краевое государственное казенное учреждение «Государственный архив Алтайского края» (КГКУ ГААК). – Ф.П-2. – Оп 5. – Д 296. – Л 7 об.

2. Предпраздничное // Красная степь. — 1923. — №3.
3. Сосковец, Л. И. Общественное сознание в эпоху трансформаций: религия и коммунистическая идеология // Сибирское общество в период социальных трансформаций XX в. — Томск: Изд-во Томского гос. университета, 2007. — 303 с.
4. Ленин – апостол коммунизма // Красная степь. — 1924. — 12 февраля.
5. Дронова, В. В. Социокультурная модернизация советского государства в рамках антирелигиозной политики в 1920–1930 гг. (на примере Тобольской епархии) // Государство, общество, церковь в истории России XX века. Ч. 2. Иваново: Ивановский государственный университет, 2011. — 659 с.
6. Октябринцы на селе // Правда. — 1924. — № 287.
7. Ларин Ю. Крестьяне или октябринцы (В порядке постановки вопроса) // Правда. — 1924. — № 97.
8. Черняк, Е. «Октябринцы» - не обряд, а антирелигиозная пропаганда // Правда. — 1924. — № 97.
9. В честь Ильича // Красная степь. — 1924. — 31 октября.
10. Октябринцы в деревне // Красная степь. — 1924. — 7 мая.
11. Первое крещение // Алтайская деревня. — 1923. — 7 декабря.
12. Всемирно-историческая культурная задача // Правда. — 1925. — № 3.
13. Новый быт // Красная степь. — 1924. — 23 марта.
14. Советская свадьба // Правда. — 1923. — № 168.
15. Кон такович, Ф. Красная свадьба в деревне // Красная степь. — 1924. — 5 февраля.
16. Без попа и ладана // Молодежь Алтая. — 1924. — № 15.
17. Митяев А. Гражданские похороны // Красный Алтай. — 1923. — № 142.
18. Чупринов, Б. Похороны без попа // Звезда Алтая. — 1923. — 11 декабря.
19. Гражданские похороны. За закрытие церквей // Правда. — 1925. — № 8.
20. Краевое государственное казенное учреждение «Государственный архив Алтайского края» (КГКУ ГААК). — Ф.П-2. — Оп 4. — Д 79. — Л 192.

Сведения об авторе

Изосимов Алексей Александрович, иерей, РО – ДОО ВО «Барнаульская духовная семинария Барнаульской Епархии Русской Православной Церкви», Россия, г. Барнаул; e-mail: cans.bds@mail.ru; 656008, Россия, Алтайский край, г. Барнаул, пер. Ядринцева, 66; проректор по учебной работе, старший преподаватель кафедры богословия и церковно-практических дисциплин.

СЛУЖБА СВТ. ПЕТРУ ЦЕТИНЬСКОМУ ЧУДОТВОРЦУ В НОВОМ СЕРБЛЯКЕ: ИСТОРИЯ СОЗДАНИЯ, ПОЭТИКА И БОГОСЛОВИЕ

Овчинников Т. А.

Сретенская Духовная Академия
Москва, Российская Федерация
tixon.ovchinnikov@yandex.ru

Аннотация

В статье анализируется служба святителю Петру Цетиньскому (1748–1830), включённая в сборник «Сербляк», а затем в «Новый Сербляк» в несколько отредактированном виде. Исследуется история её создания митрополитом Михаилом в 1893 году и уникальное издание в Московской Синодальной типографии в 1895 году. Основное внимание уделено поэтике и структуре текста, выявлены ключевые образы (свет, камень веры, новый Моисей) и то, как ветхозаветная символика сочетается с историческими реалиями служения святителя. Показано, что служба является ярким примером гимнографии XIX века, органично соединившей византийское наследие с историей Сербии и церковным преданием.

Ключевые слова: Сербская Православная Церковь, гимнография, богослужение, святитель, святой, служение, поэтика, богословие.

Служба святителю Петру Цетиньскому, митрополиту Черногорскому (1748–1830 гг.), представляет собой уникальный памятник сербской церковной гимнографии XIX века, сочетающий в себе и литургические традиции православного Востока, и уникальные исторические особенности сербского религиозного самосознания. Надо сказать, что святитель Петр занимает особое место среди сербских святых. Все годы своего служения (1784–1830 гг.) в тяжелейший для народа период османского владычества святитель достойно нес пастырский крест. Почитание св. Петра началось еще при его жизни – народ называл его святым, видел в нем подвижника [6]. Спустя несколько лет после кончины, в 1834 году были обретены нетленные мощи святителя – так началось его почитание.

Служба святителю Петру была составлена в 1893 году митрополитом Белградским Михаилом (Йовановиче), которому также приписывается составление службы Собору сербских святых, а также редактирование множества других богослужебных текстов. В 1895 году, по просьбе черногорского правительства, служба была напечатана в Москве Синодальной типографией – единственный случай, когда эта типография издала службу святому, не включенному в церковный календарь Русской Православной Церкви [3, с. 361].

Исследователь А.А. Кравецкий отмечает, что издание службы в Москве было вызвано политическими и культурными связями между

Россией и Черногорией. Российская империя традиционно выступала покровителем православных славян и активно снабжала их богослужебными книгами [3, с. 361]. Однако издание службы святому, не прославленному в Русской Церкви, нарушало существовавшие на тот момент правила церковной цензуры. Текст московского издания был подготовлен на церковнославянском языке с учетом русской редакции.

Впоследствии служба вошла в состав Сербляка – сначала в издание 1986 года, а затем в пока еще находящийся в стадии формирования сборник «Новый Сербляк», куда помещаются тексты, не вошедшие в предыдущее издание, а также современное гимнографическое творчество Сербской Православной Церкви [5, с. 6]. При включении в новый сборник текст службы святителю Петру подвергся редакции: был приведен к нормам русской редакции церковнославянского языка (изначально служба написана на сербском изводе), исправлены некоторые грамматические особенности.

Исторической предпосылкой для создания Нового Сербляка стало решение Архиерейского Собора 1964 года о введении в богослужение сербского языка. Данный шаг, продиктованный стремлением сделать литургическую жизнь более доступной и понятной для паствы, открыл новую веху в гимнографическом творчестве Сербской Церкви. Именно с этого момента начинается не только активное составление новых служб, акафистов и молебнов на современном сербском языке, но и редакция, приведение к нормам церковнославянского языка существующих богослужебных текстов, используемых в Сербской Церкви. Необходимость систематизировать этот быстро растущий корпус текстов и обусловила появление нового сборника.

При этом, современное гимнографическое творчество, предназначенное для «Нового Сербляка», развивается в двух основных направлениях. С одной стороны, ведется работа с церковнославянской традицией, включающая не только редакцию существующих текстов, как это произошло со службой святителю Петру Цетиньскому, но и создание новых оригинальных произведений на церковнославянском языке. С другой – активно создаются новые богослужебные тексты на современном сербском языке, особенно для святых XX века. Это живой и разнообразный процесс, в котором участвуют епископы, монашествующие, клирики и миряне. Среди наиболее значимых авторов – епископ Хризостом (Евич), митрополит Николай (Мрджа), иеромонах Димитрий (Плечевич), монахиня Стефанида (Бабич), З.А. Станчевич и многие другие. Богослужебные тексты систематизируются в круглогодичном порядке и публикуются в открытом доступе на сайте [4], формируя электронную базу будущего печатного сборника – Нового Сербляка. Примечательно, что проект имеет межцерковный и даже межнациональный характер: среди авторов присутствуют не только сербы, но и греческие, и русские гимнографы, такие как архимандрит Симеон (Томачинский), иеромонах Никон (Скарга) и монахиня Евстolia (Егорова) [2, с. 60–61].

Здесь необходимо сказать несколько слов о самом Сербляке – особой богослужебной книге, содержащей службы исключительно сербским святым. Его появление связано с потребностью сербского народа в систематизированном почитании своих святых покровителей. Издание 1861 года, предпринятое митрополитом Михаилом, стало первым печатным Сербляком нового времени. Оно включало службы древним сербским святым (святителю Савве, преподобному Симеону Мироточивому и другим), а также Собору сербских святителей. Издание Сербляка 1986 года, осуществленное Синодом Сербской Православной Церкви, включило туда службу святителю Петру Цетињскому наряду со службами другим черногорским святым: святителям Василию Острожскому, Стефану Пиперскому и Арсению Косиеревскому.

Касательно своей структуры и композиции, служба святителю Петру Цетињскому представляет собой полное богослужебное последование, включающее тексты малой вечерни, великой вечерни, утрени и Божественной Литургии [7]. Такая полнота характерна для служб святым, почитаемым с особым торжеством.

Интересно, что в службе святителю преобладают тексты, исполняемые на 8-й глас (тропарь, канон) и это не случайно. Один из исследователей гимнографии отмечает, что 8-й глас «выражает полноту церковного славословия» и часто используется в службах великим святым [1, с. 150]. Кроме того, следует отметить, что стихиры на «Господи, возвзах» великой вечерни написаны на подобны – образцы мелодий, облегчающие певческое исполнение. Использование подобнов позволяло быстро распространять новые тексты, поскольку напев был уже известен.

Евангельское чтение на утрени тоже имеет свою символику. Евангелие от Матфея (5:14-19) содержит слова Христа из Нагорной проповеди: «Вы – свет мира. Не может укрыться город, стоящий на верху горы... Так да светит свет ваш пред людьми, чтобы они видели ваши добрые дела и прославляли Отца вашего Небесного». Этот отрывок традиционно читается на службах святителям.

Образ города на горе имеет особое значение для святителя: Цетинский монастырь, где он подвизался, действительно расположен в горах Черногории, и сам святой был примером веры для своего народа. Призыв не скрывать свет и не ставить свечу под сосудом прямо относится с открытым исповедничеством святителя и всего сербского народа, несмотря на постоянную угрозу со стороны Османской империи. Апостольское чтение на Литургии из Послания к Евреям (8:3-6) развивает тему первосвященнического служения Христа и применяет ее к служению епископа – так, ап. Павел пишет о служении «по образу и тени небесного».

Текст службы святителю Петру насыщен библейскими образами и аллюзиями. Центральный образ – образ светильника – проходит через всю службу. В стихирах великой вечерни святитель называется светильником веры и благочестия, который озаряет лучами чудес Черногорию и вся сербская окрестные страны. Здесь прямая отсылка к евангельским словам о свече (Мф 5:15).

В службе встречается и образ камня, который имеет двойное значение. Во-первых, он отсылает к имени святого – Петр (греч. πέτρος – камень), данному в честь апостола Петра, которого Христос назвал камнем, на котором будет создана Церковь (Мф 16:18). В стихире поется: *соизменный апостолу Петру*, что прямо указывает на эту связь. Во-вторых, образ камня символизирует твердость в исповедании веры.

Ветхозаветные прообразы особенно заметны в кондаке и иных текстах службы. Святитель Петр сравнивается с пророком Моисеем – законодателем и избавителем народа из рабства. В третьей песни канона утрени поется: *утвержденный благословением, поучением и молитвою митрополита Сербского Моисея ты, отче, явился еси Моисеем, спасшим род свой.*

Образ пастыря – один из важнейших в службе святителю. Он восходит к евангельской притче о добром пастыре (Ин 10) и к словам апостола Петра о пастырском служении (1 Пет 5:2-4). В стихирах святитель многократно именуется *добрый пастырь, пастырем словесных овец Христовых* – например, на стихирах стиховни малой вечерни.

Уникальной особенностью службы святителю Петру является обилие конкретных исторических деталей, реалий его времени. Часто встречается тема борьбы с османским владычеством. Конкретное историческое событие – сожжение Цетинского монастыря турками в 1785 году – упоминается в службе: *Наста буря, яже угрожаше твоей пастве, блаженный отче Петре, и от галлов, иже хотяху владети твою страною... напасти на ню не возмогша и тиши возвратишися во своя.* Здесь имеются в виду французы, претендовавшие на далматинское побережье в эпоху наполеоновских войн.

Миротворческая деятельность святителя также получает освещение. Стихира великой вечерни описывает, как святитель прекратил междуусобицу: *враг рода человеческого, ищущий всегда кого поглотить, воздвиг в народе твоем, всеосвященный отче Петре, междуусобную злобу и мщение... тогда ты, доблестный пастырь, исполняя учение Христово: блаженны миротворцы: мудрыми увещаниями, слезными молениями и молитвами Богу народ свой умиротворил.* Это прямая отсылка к реальным событиям, когда святитель прекратил кровную месть между черногорскими племенами.

Просветительская и законодательная деятельность также находит отражение в текстах службы. Упоминание о том, что святитель *законами и просвещением свободу его (народа) утвердил*, указывает на создание «Законника» 1798 года – первого свода законов Черногории.

В тексте службы активно используется амплификация – святитель именуется: «богомудрый архиерей», «Богоявленный иерарх», «богоносный отче», «всеблаженный святитель», «крестоносный святитель», «равноапостольный» и т.д. Такое обилие эпитетов является наглядным примером панегирического восхваления.

В не меньшем объеме представлена антитеза: кроткая жизнь святителя на земле противопоставляется его небесной славе, смирение –

величию, временные труды – вечной награде. В восьмой песни канона поется: *чистоту души и тела ревностно соблюл еси: ныне же водворяешися тамо, идеже ничтоже скверно входит.*

Служба святителю Петру глубоко экклезиологична – она раскрывает учение о Церкви через призму служения самого святителя. Апостольское чтение из Послания к Евреям (8:3-6) о первосвященническом служении прямо соотносит служение епископа с первосвященническим служением Христа. Стихиры называют святителя «Божия дому строителем богомудрым», «пастырем словесных овец Христовых добрым». Эти образы восходят к новозаветному пониманию епископа как домостроителя тайн Божиих (1 Кор 4:1) и пастыря стада (1 Пет 5:2-4).

Жертвенное служение святителя уподобляется жертве Христа. В стихирах встречаются такие слова: *благое иго Христово на рамена свои взяв, чудотворец Петр, носил ты его смиренномудрено, постом, молитвами, незлобием и иными добродетелями душу свою украшая.* Образ взятия ига Христова (Мф 11:29-30) указывает на добровольное принятие креста служения. Хотя святитель и не был монахом-пустынником, стихиры неоднократно подчеркивают его аскетические добродетели: пост, молитву, воздержание, смиление. Последняя добродетель особенно выделяется: *Чужд был еси ты тщеславного превозношения, подавая всем образ смирения, святителю Петре, како избегати гордыни и в смирении духа величати Христа Жизнодавца.* Смиление – основание всех добродетелей, и святитель представлен как образец этого доброделания.

В заключение необходимо подчеркнуть, что служба святителю Петру Цетиньскому занимает особое место в сербской агиографической традиции, представляя святого нового времени – подвижника XVIII–XIX веков, память о котором свежа в народе. Служба святителю представляет собой выдающийся памятник сербской церковной гимнографии. Составленная в 1893 году митрополитом Белградским Михаилом (Йовановичем), служба вошла в Сербляк 1986 года и стала неотъемлемой частью литургической жизни сербов.

Для русской церковной традиции включение памяти святителя Петра в календарь Русской Православной Церкви Заграницей и почитание его в Санкт-Петербурге (в Соборе Санкт-Петербургских святых) свидетельствует о глубоких духовных связях между русским и сербским народами. Святитель Петр дважды посещал Россию и получал поддержку от русских императоров, что и отразилось в его почитании как «русско-сербского святого».

Поэтика службы характеризуется богатством библейских образов и символов, использованием классических риторических приемов. Центральные образы – светильника веры, пастыря, основания, нового Моисея – по-разному показывают жизненный подвиг святого. Богословие службы раскрывает экклезиологическое понимание пастырского служения, приводит аскетическое учение о борьбе со страстями,

а святитель Петр предстает как образ Христа-Пастыря, ведущего людей ко спасению.

Список литературы

1. *Верховский, С. И. Молитвословы и песнопения древней Российской Церкви: из истории славянского богослужебного языка XI–XVII веков // Богословские труды. – 1978. – Вып. 19. – С. 108–142.*
2. *Кончаревич, К. Гимнография на современном сербском языке: лексика, стилистика, интертекстуальность // Вестник СФИ. – 2020. – №36. – С. 58–79.*
3. *Кравецкий, А. А. Служба Петру Цетинскому и другие богослужебные тексты, напечатанные в Москве для южных славян / А. А. Кравецкий // Слависа Slovaca. – 2023. – № 2. – С. 358–368.*
4. Новый Сербляк // URL: <https://www.novisrbljak.narod.ru> (дата обращения: 22.11.2025).
5. *Овчинников, Т. А. Новый Сербляк как источник гимнографии для Русской Православной Церкви: служба свт. Макарию Соколовичу, патриарху Сербскому // Новосибирский временник. – 2024. – № 2. – С. 5–13.*
6. *Память иже во святых Отца нашего Петра Перваго, Митрополита Цетиньского, чудотворца – две службы, акафист и житие (цсл. и серб.). – Белград: Нови српљак, 2016. – 112 с.*
7. *Сербляк: Службы сербским святым / Составлено по благословению Священного Архиерейского Синода Сербской Православной Церкви. – Белград: Совет Архиерейского Синода Сербской Православной Церкви, 1986. – 522 с.*

Сведения об авторе

Овчинников Тихон Андреевич, РО – ДОО ВО «Сретенская духовная академия Русской Православной Церкви», Россия, г. Москва; e-mail: tixon.ovchinnikov@yandex.ru; 107031, Россия, г. Москва, ул. Большая Лубянка, д. 19, стр. 3; магистр богословия, аспирант.

ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ ПРАКТИКИ КАК СРЕДСТВО ЦЕРКОВНОГО СОЦИАЛЬНОГО СЛУЖЕНИЯ

Прокопьева Н. В.

Барнаульская духовная семинария
Барнаул, Российская Федерация
cans.bds@mail.ru

Черкашина М. В.

УрФУ имени первого Президента
России Б. Н. Ельцина
Екатеринбург, Российской
Федерации
contact@urfu.ru

Аннотация

Статья посвящена анализу художественных практик как инструмента церковного социального служения на примере опыта Алтайской митрополии. Авторы рассматривают различные формы деятельности, включающие музейную и выставочную работу, организацию конкурсов детского художественного творчества, сотрудничество с государственными учреждениями, гуманитарную помошь населению, работу с пожилыми людьми, охрану и реставрацию объектов культурного наследия. Авторы приходят к выводу, что художественные практики органично соединяют культурно-просветительскую деятельность с благотворительностью и социальной поддержкой, создавая целостную систему приходской работы, направленную на духовное возрождение и практическую помошь нуждающимся. Опыт Алтайской митрополии демонстрирует эффективность синтеза традиционных форм церковного искусства с актуальными задачами социального служения.

Ключевые слова: церковное социальное служение, художественные практики, Алтайская митрополия, музейная деятельность, церковное искусство, благотворительность, культурное наследие, реставрация, духовно-нравственное воспитание, православная культура.

Художественные практики являются важным инструментом современного воспитания и церковного социального служения. Опыт Алтайской митрополии демонстрирует, как традиционные формы церковного искусства органично соединяются с актуальными задачами благотворительности и социальной поддержки населения, создавая целостную систему приходской деятельности, направленную на духовное возрождение и практическую помошь нуждающимся. Среди аспектов такой работы можно назвать следующие:

- музейная и выставочная деятельность;
- конкурсы детского художественного творчества;
- сотрудничество с государственными учреждениями;
- гуманитарная помошь населению;
- работа с пожилыми людьми;
- охрана объектов культурного наследия;
- реставрационная деятельность.

Художественные практики в системе церковного социального служения выполняют множество функций, среди которых особое место занимает просветительская деятельность. Музей истории Православия на Алтае при Барнаульском епархиальном управлении реализует обширную программу выставочной и образовательной работы, которая становится платформой для межинституционального взаимодействия. В декабре 2024 года в епархиальном музее состоялось открытие выставки под названием «Монашеские обители Алтая», которая была посвящена истории двух православных монастырей Барнаула — Богородице-Казанского и Знаменского [1]. Заведующая музеем Наталья Петровна Железникова отмечала важность подобных мероприятий для сохранения духовной памяти региона и привлечения широкой общественности к изучению православного наследия.

Культурно-просветительская деятельность музея не ограничивается организацией выставок для взрослой аудитории, но активно вовлекает в работу молодёжь и образовательные учреждения. Экскурсионные программы для студентов и школьников становятся формой миссионерского служения, позволяющей в доступной форме познакомить молодое поколение с историей Православия на Алтае, традициями церковного искусства и подвижнической деятельностью алтайских святых, способствуя формированию духовно-нравственных ориентиров у молодых людей.

Важным направлением социально-культурной деятельности приходов становится организация конкурсов и выставок детского художественного творчества. Ежегодный конкурс «Пасхальный сувенир», проводимый в рамках региональной выставки детского художественного творчества, ставит перед собой цель формирования у подрастающего поколения интереса к истокам традиционной православной культуры [5]. Конкурс проводится в два этапа: первый организуется на уровне благочиний, в течение которого отделы катехизации и образования координируют работу воскресных школ и творческих объединений; второй этап проходит в епархиальном музее, куда направляются лучшие работы для финального отбора и награждения. Такая структура позволяет охватить максимальное количество участников из разных районов Алтайского края.

Цели конкурса отражают комплексный подход к воспитанию детей через художественное творчество: выявление творческого потенциала воспитанников в области декоративно-прикладного искусства, активизация деятельности воскресных школ и центров традиционной культуры по включению в образовательную практику различных видов народных ремесел [5]. Участие в подобных мероприятиях способствует развитию художественных навыков детей, укреплению связи между семьёй, приходом и образовательными учреждениями, созданию единого культурно-образовательного пространства, в котором духовные ценности передаются через творческую деятельность.

Социально-культурная деятельность приходов распространяется и на работу с пожилыми людьми, для которых организуются специальные мероприятия, сочетающие духовное окормление, просветительскую работу и творческие программы. В октябре 2025 года в санатории «Сосновый Бор» состоялось мероприятие «Мои года — золотые», посвящённое Дню пожилого человека [2]. Иерей Алексий Овчинников и прихожане храма мучеников Космы и Дамиана в селе Зудилово провели беседу о духовном смысле пожилого возраста. Медики — прихожане храма — выступили с рассказами об истории праздника, пели песни и делились практическими рекомендациями по поддержанию здоровья.

Важным аспектом социально-культурной деятельности является сохранение и реставрация объектов культурного наследия религиозного назначения. В сентябре 2025 года на базе Барнаульской духовной семинарии состоялся семинар по охране таких объектов, в котором приняли участие специалисты Управления по охране объектов культурного наследия Алтайского края и представители духовенства Алтайской митрополии [3]. На семинаре обсуждались документы, необходимые при передаче религиозным организациям находящихся в государственной собственности объектов культурного наследия, законодательный порядок реставрации и ремонта архитектурных памятников, возможности участия в программах Министерства культуры по реставрации объектов культурного наследия. Было принято решение проводить подобные консультации ежегодно, ввести обязательную церковную опись предметов религиозного назначения и привести документацию по храмам-памятникам в соответствие с требованиями законодательства.

Экспертный совет по церковному искусству, архитектуре и реставрации играет важную роль в сохранении движимых памятников церковного искусства. Совет занимается приёмкой и описанием старинных икон, которые передаются епархии благотворителями, участвует в формировании епархиального фонда церковных древностей. Такая работа требует богословских знаний, профессиональных искусствоведческих компетенций, глубокого понимания иконописной традиции и принципов реставрации произведений церковного искусства. Деятельность совета направлена на то, чтобы спасённые святыни могли вновь служить духовному назиданию верующих и становиться объектами изучения для специалистов и любителей церковного искусства.

Взаимодействие епархии с крупными культурными институциями региона открывает новые возможности для популяризации церковного искусства среди широкой общественности. В августе 2025 года митрополит Барнаульский и Алтайский Сергий в сопровождении иерея Дионисия Рейма принял участие в презентации каталога выставки Государственного художественного музея Алтайского края «Икона. XXI век» [4]. Это первое издание, содержащее сведения о более чем двадцати иконописцах, чьи работы украшают храмы Алтайского края. Благодаря каталогу читатели могут ознакомиться с творческой историей пути каждого мастера в

религиозное искусство и узнать, где можно увидеть настоящие шедевры современной русской иконописи. Участие главы митрополии в презентации подчёркивает важность такого сотрудничества между Церковью и светскими музеиными учреждениями.

Опыт Алтайской митрополии демонстрирует, что художественные практики могут и должны стать неотъемлемой частью церковного социального служения, органично соединяя культурно-просветительскую деятельность с благотворительностью и социальной поддержкой населения. Музейная работа, организация конкурсов и выставок, реставрация памятников церковного искусства, сотрудничество с государственными учреждениями и проведение культурных мероприятий для разных категорий населения — всё это звенья единой цепи, соединяющей традицию и современность, духовное и материальное, красоту и милосердие. Именно в таком синтезе раскрывается полнота церковного служения миру, призванного проповедовать истину и воплощать её в конкретных делах любви и заботы о ближнем.

Список литературы

1. В епархиальном музее открылась выставка, посвящённая монастырям Алтая. — 2024. — URL: <https://altayskaya-mitropolia.ru/?p=41254> (дата обращения: 22.12.2025).
2. В санатории «Сосновый Бор» священник провёл мероприятие для пожилых / Информационный отдел Барнаульской епархии. — 2025. — URL: <https://altayskaya-mitropolia.ru/?p=52530> (дата обращения: 22.12.2025).
3. В Барнауле прошёл семинар по охране объектов культурного наследия религиозного назначения / Информационный отдел Барнаульской епархии. — 2025. — URL: <https://altayskaya-mitropolia.ru/?p=51248> (дата обращения: 22.12.2025).
4. Глава Алтайской Митрополии принял участие в презентации каталога выставки Художественного музея г. Барнаула «Икона. XXI век». — 2025. — URL: <https://altayskaya-mitropolia.ru/?p=50212> (дата обращения: 22.12.2025).
5. Положение о конкурсе «Пасхальный сувенир», посвящённом великому празднику Пасхи. — 2023. — URL: <https://altayskaya-mitropolia.ru/?p=10113> (дата обращения: 22.12.2025).

Сведения об авторах

Прокопьева Наталия Валентиновна, РО – ДОО ВО «Барнаульская духовная семинария Барнаульской Епархии Русской Православной Церкви», Россия, г. Барнаул; e-mail: cans.bds@mail.ru; 656008, Россия, Алтайский край, г. Барнаул, пер. Ядринцева, 66; доцент кафедры общегуманитарных дисциплин, кандидат социологических наук.

Черкашина Мария Витальевна, ФГАОУ ВО «УрФУ имени первого Президента России Б. Н. Ельцина», Россия, г. Екатеринбург; e-mail: contact@urfu.ru; 620002, Уральский федеральный округ, Свердловская область, г. Екатеринбург, ул. Мира, 19; студент уральского гуманитарного института.

ИСПЫТАНИЯ РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ: ПРОТИВОСТОЯНИЕ ОККУПАНТАМ И ПРИМИРЕНИЕ С СОВЕТСКОЙ ВЛАСТЬЮ ГЛАЗАМИ МОЛОДЕЖИ

Павленков Н. Р.

Нижегородская академия МВД России
Нижний Новгород, Российская Федерация
iggraisle@mail.ru

Научный руководитель:

Фирсова А. М.

Нижегородская академия МВД России
Нижний Новгород, Российская Федерация
rary-anna@mail.ru

Аннотация

В статье рассматривается кризисный момент существования Русской Православной Церкви, обусловленный условиями фашистской оккупации, а также понимание этого момента истории молодежью. Затрагиваются проблемы взаимодействия советской власти и представителей православия, условия возрождения веры в советском обществе и на оккупированных немцами территориях. Дополнительно приводятся мифы и заблуждения относительно вышеуказанных вопросов.

Автор выявляет отдельные заблуждения в понимании проблем существования православия в годы Великой Отечественной войны. После этого автор доказывает появление существенного доверия между советской властью и Русской Православной Церковью, которое совмещает в себе элементы прощения, сотрудничества и взаимного подвига некогда враждующих сторон. Также автор устанавливает попытки противостояния представителей православия фашистским оккупантам, попутно объясняя ложность предположений о том, что Русская Православная Церковь видела в захватчиках «спасителей».

В заключении делается вывод о том, что тема существования Русской Православной Церкви в годы Великой Отечественной войны – плодотворная среда для создания мифов и фальсификаций истории. Кроме того, автор приводит конкретный источник, который служит одним из оплотов псевдоисторического мышления.

Ключевые слова: православие, Русская Православная Церковь, советская власть, оккупация, сотрудничество, мифы, фальсификации.

Православная Церковь (далее – РПЦ) ныне существует в условиях светского государства, которое выказывает нейтрально-уважительное отношение ко многим конфессиям, что является особенно важным достижением после периода всепоглощающего атеизма. Несмотря на уравновешенную позицию относительно идеологических и религиозных вопросов, в России ведется серьезная работа по закреплению традиций и народной памяти в целом: свидетельства этому можно найти и в

официальных документах [1]. В одном из них указывается следующее: «Особая роль в становлении и укреплении традиционных ценностей принадлежит православию».

Вопросы истории РПЦ в период Великой Отечественной войны являлись объектом изучения целого ряда исследователей. Отдельного упоминания заслуживает одна из платформ РПЦ – сайт «Азбука Веры», где собраны многочисленные документы ушедшей эпохи, равно как и современные изыскания по обсуждаемому вопросу [2]. Мы же, перед последовательным изучением исторических, архивных документов, монографий провели небольшое социологическое исследование среди молодежи с целью выявления мнения молодежи о проблемных моментах в понимании прошлого.

Методологическая основа исследования:

1) Исторический метод – заключается в привлечении архивного (из Центрального государственного архива Санкт-Петербурга, Национального архива Республики Беларусь и др.), монографического материала от исследователей разных временных периодов (Силова С. В. Крестный путь. Белорусская православная церковь в период немецкой оккупации 1941–1944; Преступления немецко-фашистских оккупантов в Белоруссии 1941–1944) заслуженно является основой нашего исследования;

2) Социологические методы (опрос, анкетирование) – позволяют придать исследованию актуальности, как уже было упомянуто в соответствующем блоке;

3) Базовые логические приемы (анализ, синтез, дедукция, индукция);

4) Конкретизация (детализация) – в нашем случае входит в исторический метод, но заслуживает отдельного упоминания, так как данный прием способствовал рассмотрению РПЦ в контексте и необходимости выстраивания отношений с советской властью, и в условиях немецкой оккупации, что отдельными изыскателями упускается. Теперь перейдем непосредственно к нашему исследованию, а точнее – к его социологической части. Опрос проводился по представленной анкете (Рис. 1) и состоял из шести вопросов.

В ходе исследования были опрошены обучающиеся Волгоградской академии внутренних дел Российской Федерации в количестве 100 человек. Ответы респондентов распределились следующим образом:

Вопрос №1: 9% выбрали первый вариант – «РПЦ была запрещена, такого вклада не существовало», 77% опрошенных ответили – «Слушал о духовном вкладе РПЦ», 10% ответили «Слышал о финансовой помощи РПЦ фронту», 4% опрошенных считают, что вклада РПЦ не было.

Вопрос №2: первый вариант – 21% «РПЦ разоблачила идеи захватчиков», второй вариант – 12% «РПЦ финансировала армию», третий вариант – 56% «РПЦ поддержала власть во время кризиса», четвертый вариант – 11% «Такого вклада не было (был незначителен)»;

- 1. О многом ли Вам говорит тема «Вклад Русской Православной Церкви (далее – РПЦ) в победу над фашизмом»?**
 - РПЦ была запрещена, такого вклада не существовало;
 - Слышал(-а) о духовном вкладе;
 - Слышал(-а) о финансовой поддержке войны;
 - РПЦ была противником советской власти, такого вклада не было.
- 2. Какой вклад РПЦ в победу Вы считаете самым значимым?**
 - РПЦ разоблачила идеи захватчиков;
 - РПЦ финансировала армию;
 - РПЦ поддержала власть во время кризиса;
 - Такого вклада не было (был незначителен).
- 3. Известно ли Вам о расколе РПЦ в немецкой оккупационной зоне (на поддерживающих захватчиков и противодействующих им)?**
 - Слышал(-а) о редких случаях поддержки немцев со стороны РПЦ;
 - Слышал(-а) о принуждении к сотрудничеству с немцами;
 - Не слышал(-а) о таком расколе.
- 4. Известно ли Вам о примирении Советской власти с РПЦ во время Великой Отечественной войны?**
 - Примирения не было;
 - Советская власть неофициально разрешила РПЦ;
 - Советская власть открыто разрешила РПЦ.
- 5. Вы бы оценили сотрудничество Советской власти и РПЦ как результат...**
 - принуждения;
 - взаимовыгодных условий;
 - подвига.
- 6. Как бы охарактеризовали деятельность РПЦ в оккупационной зоне?**
 - Принудительное возобновление работы немцами;
 - Церковь пыталась продолжить свою работу самостоятельно;
 - Церковь окончательно уничтожалась захватчиками;
 - Затрудняюсь ответить.

Рис. 1 - Анкета социологического исследования

Вопрос №3: первый вариант – 21% «Слышал о редких случаях поддержки немцев со стороны РПЦ», второй вариант – 6% «Слышал о принуждении к сотрудничеству с немцами», третий вариант – 73% «Не слышал о таком расколе»;

Вопрос №4: первый вариант – 25% «Примирения не было», второй вариант – 62% «Советская власть неофициально разрешила РПЦ», третий вариант – 13% «Советская власть открыто разрешила РПЦ»;

Вопрос №5: первый вариант – 8% «принуждения», второй вариант – 60% «взаимовыгодных условий», третий вариант – 32% «подвига»;

Вопрос №6: первый вариант – 3% «Принудительное возобновление работы с немцами», второй вариант – 61% «Церковь пыталась продолжить свою работу самостоятельно», третий вариант – 2% «Церковь окончательно уничтожалась захватчиками», четвертый вариант – 34% «Затрудняюсь ответить».

Выходы, на наш взгляд, отражают следующие закономерности в понимании исследуемой темы молодежью:

1) Осведомленность опрошенных о вкладе РПЦ в победу над фашизмом в ходе Великой Отечественной велика и большинство

опрошенных уверены в серьезном духовном вкладе Церкви, равно как и в героических попытках осуществления богослужения в оккупированных территориях. Небольшое количество людей вспоминает о религиозной организации того времени в качестве вспомогательного ресурсного источника (о финансовой поддержке войны уточнили всего 10% в первом вопросе и 12% во втором).

2) Опрошенные слабо представляют себе характер отношений между Советской властью и РПЦ: союз между ними воспринимают как неофициальное взаимовыгодное сотрудничество, нежели как открытый подвиг обеих сторон – но данные предубеждения вполне можно обосновать, о чем мы скажем чуть позже.

3) Отношения с немецкой армией и оккупационной администрацией мало известны респондентам – большинство не знают о церковном расколе времен Великой Отечественной войны. Существенная часть (21% в третьем вопросе) предполагала о возможном сотрудничестве захватчиков с Церковью. Изучение воплощений и последствий такого несовершенного знания – наш приоритет, поскольку именно неосведомленность – причина раздора и податливости незнавших.

4) Совокупное отношение к православию можно оценить как положительное, поскольку многие курсанты избегали ответов, подводящих к союзу Церкви и врагов или к открытой вражде Советской власти и РПЦ.

Теперь мы можем погрузиться в каждое наблюдение по отдельности и начнем с выводов, изложенных во втором пункте. Представление соприкосновения православной конфессии с Советским правительством в форме неофициального сотрудничества вполне оправдано печально-известными репрессиями революционного и довоенного периодов в отношении духовенства. Напомним: из представителей высшего сана в стране перед Великой Отечественной осталось четыре человека, с 1918 года и вплоть до войны не созывалось ни одного Собора [3]. И хотя коммунисты принимали усилия для смягчения своего воинствующего безбожия – Церковь теряла влияние с каждым годом с первого дня революции. Так, в гонения на священников, на первый взгляд, соответствовали процессуальным формам того времени и осуществлялись со сторонними основаниями (безотносительно к религиозным убеждениям): «В Советской России обеспечена полная свобода убеждений каждого. Ни один священник, епископ и т. д. не был и никогда не будет арестован только за то, что он духовное лицо» [4]. Хотя, в тех же самых документах, после строк о полной беспристрастности мы можем наблюдать следующие заявления: «Владыка» произнес одну из очередных демагогических речей против революции и Советской власти...»; «Разоблачение патриарха Тихона застало врасплох политиканствующих «святых отцов», которые, убоявшись репрессий, сняли с обсуждения все политические вопросы...» [5, с. 128]. Другими словами, неуважительное отношение к вере и ее последователям нельзя было уже скрыть, равно как и стремление к демонизации роли

священнослужителей в рамках новой революционной идеологии. Последующие законодательные и иные властные решения, как декларативные заявления в Декрете «Об отделении церкви от государства и школы от церкви» [6], не имели существенного значения и курс атеизма был неотвратим.

Во время Великой Отечественной войны, несмотря на значительные лишения, Церкви удалось устоять и совершить акт примирения со своим гонителем – Советской властью, что является истинным воплощением христианских добродетелей: прощения и терпения. То есть, взаимодействие указанных субъектов было гораздо выше взаимовыгодного сотрудничества и примитивного принуждения – это подвиг, причем обеих сторон. У Церкви данный героический порыв был выражен в идеологической помощи Советскому Союзу, народу и руководству страны: «Она призывает христиан всех стран, временно оккупированных Гитлером, всеми возможными средствами помогать в тылу врага общему делу спасения угнетенных народов – в уверенности, что близок час победы и освобождения от фашистского ига» [7]. И все-таки, исходя из данных других исследований и архивных документов позиция у церкви относительно власти коррелировалась с одной стороны с нейтрально-одобрительным отношением, а с другой – с восхваляющим. Первое начало из названных, судя по всему, связано с памятью о преступлениях советского и революционного правительства – параллели и сравнения в идеологических выступлениях в границах этого подхода часто касались русской истории, упоминания власти и тем более коммунизма опускались: «Но не в первый раз приходится русскому народу выдерживать испытания. С Божией помощью и на сей раз он развеет в прах фашистскую вражескую силу. Наши предки не падали духом и при худшем положении потому, что помнили не о личных опасностях и выгодах, а о священном своем долге перед Родиной и верой, и выходили победителями. Не посрамим же их славного имени и мы – православные, родные им и по плоти, и по вере...» [4]. Восхваляющая же позиция, скорее всего, стала результатом уступок со стороны партии и общего сворачивания воинствующего атеизма, из-за чего в речах духовенства все чаще стали появляться упоминания о вожде и Советском Союзе, а не об абстрактном «Отечестве»: «Советы возглавляют наше русское национальное государство и борются за его мировое и международное значение» [8]; «...наша Патриаршая церковь, начиная с покойного святейшего патриарха Тихона и доселе, неизменно признает Сов власть Богоустановленной в СССР» [8]; «Да живет и здравствует многие лета для всех родной, всеми любимый Иосиф Виссарионович Сталин!» [9].

Подвиг Советской власти заключается в отступлении от многолетних коммунистических догм, берущих свое начало еще со времен Ленина. И принимая во внимание причинение Церкви широких лишений, партия во главе со Сталиным все равно смогла признать свои ошибки во время войны и разрешить религиозную деятельность открыто. Жесты доброй воли в сторону РПЦ стали частыми и своевременными: «Начиная

дело сбора этих пожертвований, Патриарх Сергий обратился к Иосифу Виссарионовичу с просьбой открыть в Государственном Банке специальный счет на общекерковную танковую колонну. Наш любимый вождь сердечно приветствовал это начинание и дал распоряжение об открытии счета» [10]. И это далеко не единственный благоприятный для православия шаг правительства: учитывая осадное положение в Москве, на Пасху 1942 года, к примеру, распоряжением коменданта Москвы было разрешено беспрепятственное движение верующих всю ночь с 4 на 5 апреля.

Таким образом, для молодежи было бы полезным ознакомление с архивными документами по описанному вопросу, чтобы на основе живых высказываний убедиться в настоящей сущности союза власти и церкви в годы Великой Отечественной. Исходя из исходной политики несдерживаемого террора в отношении РПЦ, едва ли возможно сотрудничество на основе выгоды или принуждения.

Переходим к предположениям из третьего пункта (выводам по итогу социологического опроса). Противостояние православной конфессии немцам – вопрос дискуссионный и обладающий исключительной сложностью, ввиду наличия диаметрально противоположенных по смыслу позиций. Начнем с того, что случаи отступничества отдельных представителей православия – исторический факт, задокументированный и исходящий в архивных документов от самого митрополита Сергия: «Волосы встают дыбом при чтении об истязании фашистами женщин, детей и раненых. А митрополит Сергий Воскресенский со своими «сподвижниками»-архиереями телеграфируют Гитлеру, что они «восхищаются ведущейся (Гитлером) героической борьбой» [8]. Но подобное положение дел практически не смущило общего настроя духовенства в оккупированных территориях, хотя, опять же, данный серьезно разнятся. К примеру, в Белоруссии в 1944 году собирался целый «собор», на котором было необходимо обсудить вопрос отделения от Московской церкви. По его итогам были провозглашены совершенно антисоветские и противоречащие действительности выводы: «Могучая немецкая армия в 1941 г. освободила Белоруссию от большевистского рабства. Одновременно были освобождены церкви, и появилась возможность опять открыто и свободно служить народу» [11].

В рамках нашего исследования мы придерживаемся мнения о поддельности вышеуказанного решения: белорусская церковь находилась под значительным контролем немецких оккупационных органов, а оставшиеся в живых священнослужители, с большой долей вероятности, были принуждены к «правильным» действиям под угрозой расправы. Нашу гипотезу подтверждают соответствующие советские исследования: «Но большая часть духовенства отказалась поддерживать нацистов. Вскоре многие православные священники были схвачены гестапо и казнены» [12].

Исходя из результатов нашего анкетирования, мы установили недостаточную осведомленность молодежи о церковном расколе (оккупированных территорий с центром), что открывает широкие

возможности для деструктивного пропагандистского воздействия. Представителем последнего можно назвать относительно современную монографию, которая неоднозначно раскрывает тему взаимодействия захватчиков и церкви (Силова С. В. Крестный путь. Белорусская православная церковь в период немецкой оккупации 1941–1944 гг. Минск: Изд-во Белорусского экзархата, 2005). И сейчас мы приведем наиболее неприемлемые и противоречащие действительности тезисы с единовременным контраргументом:

1) Советская историография заведомо определяет роль Православной Церкви как реакционную, а политику, проводимую представителями православного духовенства, как пособническую нацистскому режиму [13].

Опровержение: в приведенном выше советском исследовании (Немецко-фашистский оккупационный режим 1941-1945) четко описан героический поступок белорусского духовенства, а жертвы церкви (материальные, связанные с людскими жизнями) очень часто упоминаются в монографиях и изысканиях [14], что как минимум свидетельствует об уважительном отношении к православной конфессии.

2) В период нацистской оккупации произошло оживление, а в Восточной Белоруссии – восстановление церковной жизни, это был период открытия и ремонта храмов, возобновления церковных служб и возрождения монастырей [13].

Опровержение: «Правда о религии в России»: о варварском отношении со стороны немцев к нашим церковно-историческим памятникам как во временно оккупированных местностях, так и в городах и силах, подвергающихся вражескому нападению; о надругательствах немцев над святынями, над паstryями, над верующими [15]. К тому же, стоит отдельно уточнить, насколько неестественно и даже оскорбительно используются конструкции «оживление» и «восстановление» на фоне геноцида белорусского народа. И какими бы ни казались временные одномоментные положительные действия захватчиков, автор должен был поинтересоваться перед созданием труда о действительных гитлеровских планах: «использование религиозных организаций для помощи немецкой администрации» [4].

Как можно догадаться, схожих по духу исследований достаточно много, цели их создания все еще остаются загадкой. Скорее всего, это один из инструментов воздействия на несознательную молодежь. Учитывая проверенную социологическим методом неосведомленность молодого поколения, выведенное замечание имеет право на существование.

Определим итоги исследования. Молодежь достаточно осведомлена об общей роли РПЦ в годы Великой Отечественной войны, но мало знакома с некоторыми частными моментами этого вопроса, например, раскол Православной Церкви в оккупированных землях. Незнанием условий немецкой оккупации и тонкостей политики захватчиков в отношении церкви создается благотворная среда для деструктивных антирелигиозных теорий, которые иногда непроизвольно

создаются публицистами и учеными, а порой целенаправленно формируются личностями, стремящимися к антисоветской пропаганде, а не к истине. Так, возможно появление совершенно абсурдных и непозволительных выводов – о миролюбивости фашистских захватчиков, о их благотворной деятельности в хотя бы одной отрасли жизнедеятельности советских граждан, тем более, если это касается такого значительного института как Церковь. И все же, при оценке результатов социологических исследований, равно как и при разработке данной темы в принципе, необходимо учитывать революционные изменения начала 20-го века и массовые репрессии в сторону православной конфессии. Из-за указанных факторов восприятие взаимодействия Советской власти и Церкви в наше время несколько деформировано и, в основе своей, приходит к утверждениям о неофициальной взаимной выгоде указанных субъектов в ходе отношений, но никак не об их открытом подвиге, выраженном в примирении.

Перспективы исследования темы: наиболее значимой проблемой, найденной нами в ходе исследования, предстает существование в России изданий, публикаций и монографий, в которых союз Церкви и фашистских оккупантов предстает не только как необходимость, но и благо. Такими выводами необоснованно подрывается авторитет РПЦ, равно как и Советской власти, сущность которой для оправдания альянса с врагом сводят лишь до репрессий и гонений на отдельные социальные группы. Просим соискателей оказать содействие в установлении трудов, искажающих историческую действительность.

Список литературы

1. Указ Президента РФ от 9 ноября 2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» [Электронный ресурс] // Информационно-правовой портал «ГАРАНТ.РУ» — URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/405579061/?ysclid=m6gqlodqe8331219686> (дата обращения: 25.01.2024).
2. Шкаровский, М. В. Крест и свастика. Нацистская Германия и Православная Церковь / [Электронный ресурс] // «Азбука Веры». — URL: https://azbyka.ru/otechnik/Istorija_Tserkvi/krest-i-svastika-natsistskaja-germaniya-i-pravoslavnaja-tserkov/2 (дата обращения: 25.01.2024).
3. Колесов, А. Русская Православная Церковь в период Великой Отечественной войны / [Электронный ресурс] // «Азбука Веры». — URL: https://azbyka.ru/otechnik/Istorija_Tserkvi/russkaja-pravoslavnaja-tserkov-v-period-velikoj-otechestvennoj-vojny/ (дата обращения: 25.01.2024).
4. Васильева, О. Ю, Кудрявцев, И. И., Лыкова, Л. А. Русская Православная Церковь в годы Великой Отечественной войны 1941-1945 гг. [Электронный ресурс] // «Азбука Веры». — URL: https://azbyka.ru/otechnik/Istorija_Tserkvi/russkaja-pravoslavnaja-tserkov-v-gody-velikoj-otechestvennoj-vojny-1941-1945-gg/#0_1 (дата обращения: 20.01.2024).
5. Из истории Всероссийской Чрезвычайной комиссии. 1917-1921 гг.: Сборник документов / Ред. коллегия: Г.А. Белов [и др.]. — М.: Госполитиздат, 1958. — XVI, 511 с.

6. Декрет Совета Народных Комиссаров «Об отделении церкви от государства и школы от церкви» [Электронный источник] // Конституция РФ. — URL: <https://constitution.garant.ru/history/act1600-1918/5325/?ysclid=m6gdwuxkf9660982709> (дата обращения: 26.01.2025).
7. АП РФ (Архив Президента Российской Федерации). Ф. 1. Оп. 60. Д. 4. Л. 8–11. Копия.
8. РГАСПИ (Российский государственный архив социально-политической истории). Ф. 17. Оп. 125. Д. 93. Л. 19 и об. Заверенная копия.
9. АП РФ (Архив Президента Российской Федерации). Ф. 3. Оп. 60. Д. 5. Л. 50. Подлинник.
10. Одинцов, М. И. Власть и религия в годы войны: Государство и религиозные организации в СССР в годы Великой Отечественной войны, 1941–1945 гг. — Москва, 2005. — 540 с.
11. НАРБ (Национальный архив Республики Беларусь). Ф. 510. Оп. 1. Д. 72. Л. 11–15. Копия делопроизводственного перевода с немецкого языка.
12. Немецко-фашистский оккупационный режим. (1941–1945 гг.): сборник статей. Ин-т марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. Отд. истории Великой Отечеств. войны; Под общ. ред. проф. Е. А. Болтина. — Москва: Политиздат, 1965. — 388 с.
13. Силова, С. В. Крестный путь белорусская православная церковь в период немецкой оккупации 1941–1944 гг. / С.В. Силова. — Минск: Белорусский Экзархат, 2005. — 70 с.
14. Преступления немецко-фашистских оккупантов в Белоруссии. 1941–1944: документы и материалы / Ин-т истории партии при ЦК КПБ - филиал Инта марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. Ин-т истории Акад. наук БССР. Центр. гос. архив Октябрьской революции и соц. строительства БССР; Предисл. И. П. Ховратович и Г. Н. Шевела. — Минск: Госиздат БССР, 1963. — 436 с.
15. ЦГАСПб (Центральный государственный архив Санкт-Петербурга). Ф. 7384. Оп. 33. Д. 76. Л. 150–152 и об. Автограф.

Сведения об авторах

Павленков Никита Романович, Нижегородская академия МВД России, Россия, г. Нижний Новгород; email: iggraisle@mail.ru; 603950, Россия, Нижний Новгород, Анкудиновское шоссе, д. 3; курсант 3 курса ФПСРЭП, рядовой полиции.

Научный руководитель:

Фирсова Анна Михайловна, Нижегородская академия МВД России; Россия, г. Нижний Новгород; email: rafy-anna@mail.ru; 603950, Россия, Нижний Новгород, Анкудиновское шоссе, д. 3; профессор кафедры философии Нижегородской академии МВД России, докт. пед. наук, канд. фил. наук.

КОНКРЕТИЗАЦИЯ СМЫСЛА РОЛИ НАУЧНОГО РУКОВОДИТЕЛЯ КАК ДУХОВНОГО НАСТАВНИКА МОЛОДОГО УЧЕНОГО

Балак П. А.

Нижегородская академия МВД России
Нижний Новгород, Российская Федерация
pavel.balak6@mail.ru

Научный руководитель:

Фирсова А. М.

Нижегородская академия МВД России
Нижний Новгород, Российской Федерации
ragy-anna@mail.ru

Аннотация

В статье рассматривается проблема преемственности в системе подготовки кадров высшей квалификации через призму взаимодействия в диаде «научный руководитель – обучающийся». Автором обоснована значимость трансляции фундаментальных аксиологических постулатов в процессе научного взаимодействия. В работе систематизирован инструментарий эффективного наставничества. Обосновано, что применение данных инструментов способствует переходу от иерархических отношений к партнерским и обеспечивает качественную трансформацию начинающего исследователя в профессионала, обладающего интеллектуальной автономией и высокой этической культурой. В заключение автором сформулирован ряд резюмирующих умозаключений, дополняющий современную доктрину выводами о духовной ценности научного наставника для обучающихся.

Ключевые слова: конкретизация, научный руководитель, подготовка кадров высшей квалификации, молодой учёный, традиционные духовно-нравственные ценности

«Повинуйтесь наставникам вашим и будьте покорны, ибо они неусыпно пекутся о душах ваших, как обязанные дать отчет»

(Евр. 13: 17).

Преемственность выступает основополагающим принципом в науке, способным обеспечить последовательную передачу опыта и методологии исследования новому поколению молодых учёных. Крепкий фундамент из достижений прошлых лет позволяет не только развивать уже сделанные научные открытия, но и открывать новые горизонты исследуемой области знаний [2]. В контексте изложенного видится закономерным и обоснованным рассмотрение преемственности в системе высшего образования, что чаще всего выражено в паре «научный руководитель – обучающийся».

Процесс подготовки кадров высшей квалификации, по своей сути, является собирательным понятием, что обусловлено его сложностью и многогранностью. Ввиду того, что в результате такого обучения обучающийся становится преподавателем, спектр требований, как формальных (гл. 5 Федерального закона «Об образовании в РФ») [3], так и неформальных [4], выходит далеко за рамки сферы научных интересов.

Так, например, при попытке унификации качественных характеристик преподавателя высшего учебного заведения, ряд представителей научного сообщества охарактеризовали такового следующим образом:

- *Как личность*: обладающий высоким уровнем воспитанности, гражданственностью, гуманистичностью, демократичностью, трудолюбием»;
- *Как ученый*: является мастером-профессионалом своего дела, методистом, организатором, эрудитом;
- *Как коллега*: свойственны коллегиальность, опытность, принципиальность, самокритичность и требовательность к себе [5, с. 18].

Также в контексте последних трансформаций основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей, к числу имманентных признаков педагога следует отнести: *патриотизм, гражданственность, служение Отечеству и ответственность за его судьбу, высокие нравственные идеалы, крепкая семья, созидательный труд, приоритет духовного над материальным, гуманизм, милосердие, справедливость, коллективизм, взаимопомощь и взаимоуважение, историческая память и преемственность поколений, единство народов России* [6].

В контексте расширения спектра требований к преподавателям высшего образования видится справедливым и обоснованным повышение требований к процессу подготовки кадров высшей квалификации. Так, наряду с другими факторами (условия образовательной организации, научной школы, кафедры и т.д.) в процессе интеграции опыта предшественников центральное место занимает научный руководитель, что обусловлено его:

- *непосредственным взаимодействием с обучающимся;*
- *наибольшим опытом проведения научных исследований (по сравнению с обучающимися);*
- *как правило, научная квалифицированность.*

Аккумуляция вышеизложенного делает очевидным вывод о том, что для качественного развития будущего преподавателя, научным руководителем должна проводиться работа не только над формальными (получение ученой степени, соответствие требованиям ГОСТ и т.д.), но и неформальными (духовно-нравственными) требованиями, значение которых эскалирует в контексте тенденций трансформации основ современной государственной политики.

Однако, простое отнесение вышеизложенных аксиологических установок к целям работы научного руководителя с обучающимся видится

декларативным, очевидным. Ввиду этого в настоящей статье предпринята попытка конкретизации миссии научного руководителя как духовного наставника обучающегося. Философское понимание «конкретизации» позволяет рассматривать ее как «*метод научного исследования, состоящий в движении теоретической мысли ко все более полному, всестороннему и целостному воспроизведению предмета*» [7, с. 100]. В контексте изложенного небезосновательно полагаем, что посредством конкретизации может быть сформировано более полное, целостное представление о духовной роли научного руководителя в процессе трансформации начинающего исследователя в преподавателя высшей школы [8].

Таким образом, наряду с общими нравственными ценностями, для качественного формирования необходимых качеств личности молодого ученого, научному руководителю необходимо транслировать ценность следующих постулатов.

1) Истина – нравственный императив. В эпоху постправды [9] и релятивизма [10] роль наставника заключается в удержании обучающегося от подмены истины (в том числе традиционной духовно-нравственной) правдоподобием.

Нередко в исследованиях поиск истины сопряжен с особыми рисками. Молодой ученый может столкнуться с давлением политической конъюнктуры, желанием «угодить» сложившейся в научном сообществе практике или корпоративным интересам, что может пагубно повлиять на развитие индивидуальности исследователя. Духовный наставник выступает здесь в роли индикатора, напоминающего, что научная истина не может быть предметом компромисса.

2) Толерантность. Для начинающего исследователя правильное понимание категории «толерантность» является системообразующим качеством. Наставничество предполагает воспитание способности комплексного взгляда на научную доктрину, за которой скрываются точки зрения людей, обладающих разными взглядами и мировоззрением. Уважение чужих научных взглядов – имманентный признак профессиональной этики исследователя.

Наставник своим примером демонстрирует отношение к Науке как к искусству добра и справедливости, целью которой является достижение благих результатов. Это предполагает формирование у обучающегося внутренней потребности проверять любые теоретические конструкции на их гуманистическое измерение и непротиворечивость всеобщим представлениям о духовно-нравственных постулатах (сохраняя при этом индивидуальность взглядов).

3) Академическая честность и культура цитирования. Внешне технический вопрос оформления ссылок и цитирования в контексте духовного наставничества приобретает глубокий нравственный смысл. В рассматриваемом аспекте преднамеренный плагиат рассматривается не как нарушение авторских прав, а как кража чужих идей и мыслей. Другими словами, нравственное преступление.

Прививая культуру скрупулезного цитирования, наставник учит уважению к предшественникам, смирению перед накопленным знанием и пониманию своего места в системе коллективного (академического/кафедрального) научного развития. Представителями научного сообщества наиболее распространенным некорректный перевод заимствований отмечается в следующих научных областях: «государство и право» (32,2%) и «экономика» (28%) [11].

Как уже упоминалось, духовное наставничество в академической среде не должно сводиться к формальному обучению навыкам, а всегда должен преследовать цель – формирования личности исследователя. В этой связи особую значимость приобретают инструменты, посредством которых осуществляет продуктивное взаимодействие с обучающимся. Ниже нами представлены наиболее эффективные инструменты рассматриваемого воздействия с обоснованием их ценности.

1) Метод Сократа. Данный инструмент заменяет традиционную рутинную трансляцию знаний на совместный поиск истины. Наставник намеренно не дает готовых ответов, даже если они ему известны.

Когда ученик получает готовое решение, его сознание работает пассивно. Когда же наставник ставит правильный вопрос, запускается процесс активного мышления. Обучающийся вынужден переосмысливать свои ценности и логические построения.

Данный метод формирует интеллектуальную автономию и ответственность. Ученик перестает искать опору во внешнем авторитете и начинает опираться на собственную, выстраданную логику. Это воспитывает научную смелость и способность отстаивать свою позицию [12].

2) Личный пример. В профессиональной этике и деонтологии данный инструмент является фундаментальным. Однако эффективность примера зависит от отсутствия разрывов между декларируемыми ценностями и реальным поведением наставника.

Обучающийся бессознательно считывает модели поведения своего научного руководителя. Если наставник говорит о научной честности, но сам допускает небрежность в цитировании, ученик усвоит именно небрежность (как реальную норму), а слова воспримет как формальный ритуал. Напротив, трудолюбие, скромность в оценке своих заслуг и принципиальность в поиске истины, регулярно демонстрируемые наставником, становятся для обучающегося стандартом поведения ученого. Личный пример задает высокую планку, которой ученик стремится соответствовать не из страха наказания, а из желания стремиться к эталонной профессиональной культуре.

3) Пространство совместного творчества. Духовное воздействие невозможно в полной мере реализовать дистанционно или только теоретически. Оно требует общей совместной деятельности, в ходе которой происходит интеграция ценностей – их перетекание от руководителя к обучающемуся.

Совместное написание статей, работа над научными работами или решение сложных задач создают ситуации неопределенности и стресса. Именно в такие моменты наставник демонстрирует, как справляться с научными трудностями, как реагировать на критику и как сохранять этику в конкурентной борьбе. Работая рука об руку, ученик впитывает не только явные знания, но и модель образцового поведения (стиль мышления, интуицию, отношение к труду).

Нередко совместное творчество трансформирует отношения из иерархических (начальник – подчиненный) в партнерские (наставник – ученик). Это создает чувство профессиональной общности, где ценности усваиваются органично, через практику, а не через назидание.

4) Культура конструктивной критики. Обратная связь наставника является мощнейшим инструментом воспитания духа. Речь идет о балансе между требовательностью и уважением к личности. Научный поиск неизбежно сопряжен с ошибками, и если руководитель использует ошибки как повод для унижения или демонстрации превосходства, это подавляет волю обучающегося. Духовное воздействие заключается в том, чтобы критиковать идею, а не человека, и показывать пути исправления.

Правильная критика формирует научное смиление и стрессоустойчивость. Ученик учится воспринимать неудачу не как крах, а как необходимый этап познания, что является залогом достижения научного успеха на длительном горизонте профессии.

5) Доверие и делегирование ответственности. Передача наставником части своих полномочий или допуск ученика к решению серьезных проблем может стать хорошим практико-ориентированным тренингом для будущего преподавателя. Ощущая доверие, обучающийся переходит из состояния потребителя (ученика) в состояние созидания (учителя). Груз ответственности заставляет его мобилизовать внутренние ресурсы, быть более внимательным и этически строгим к себе.

Доверие выступает катализатором взросления. Оно превращает внешнюю мотивацию (например, получить оценку) во внутреннюю (не подвести наставника и общее дело), что является формой проявления профессиональной сознательности.

Резюмируя вышеизложенные положения о конкретизации смысла роли научного руководителя как духовного наставника молодого ученого, видится целесообразным сформулировать ряд умозаключений, характеризующих ключевые выводы.

Первое. В современной системе подготовки кадров высшей квалификации роль научного руководителя выходит за рамки сугубо академического консультирования и приобретает черты духовного наставничества. В условиях трансформации государственной политики и повышения требований к личности преподавателя высшей школы, именно научный руководитель, обладающий авторитетом и опытом, выступает ключевым субъектом обеспечения преемственности не только научных знаний и навыков, но и традиционных духовно-нравственных ценностей.

Второе. Применение метода конкретизации позволило преодолеть декларативность в понимании воспитательной функции руководителя и сформировать целостное представление о процессе трансформации личности начинаящего исследователя. Понимание сути духовного наставничества достигается посредством движения от абстрактных требований к формированию устойчивой профессионально-личностной модели поведения, где неформальные (духовно-нравственные) требования являются столь же обязательными, как и формальные.

Третье. Содержательным ядром духовного наставничества выступает трансляция фундаментальных ценностных постулатов: *восприятия истины как бескомпромиссного нравственного императива, толерантности как гуманистического измерения науки и академической честности как проявления уважения к коллективному знанию*. Усвоение данных установок призвано удержать молодого ученого от конъюнктурных искажений и некорректного плагиата, способствуя становлению его индивидуальности и профессиональной этики.

Четвертое. Эффективность реализации миссии духовного наставника достигается посредством отказа от рутинной трансляции знаний в пользу активных инструментов воздействия, таких как: *метод Сократа, личный пример, создание пространства совместного творчества и культуры конструктивной критики*. Данный инструментарий направлен на трансформацию иерархических отношений в партнерские, где через доверие, делегирование ответственности и совместное преодоление научных трудностей происходит органичная интериоризация обучающимся образцовых моделей поведения и профессиональной культуры.

Список литературы

1. Библейская симфония по книгам Ветхого и Нового Заветов / ред.-сост. Д. Гриценко, Е. С. Калугина. — Москва: Даръ, 2007. — 480 с.
2. Преемственность в науке как стержень развития и прогресса [Электронный ресурс] // URL: <https://satbayev.university/tu/news/preemstvennost-v-nauke-kak-sterzhen-razvitiya-i-progressa> (дата обращения: 09.12.2025).
3. Федеральный закон от 29.12.2012 № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2012, № 53 (ч. 1), ст. 7598.
4. Пашиев, Б. Д., Кулибеков, Н. А., Келбиханов, Р. К. Требования к преподавателю в контексте ведущих тенденций развития отечественной системы высшего образования // МНКО. — 2017. — № 2 (63). — С. 176–178.
5. Аскарьянц, В. П., Бабаджанова, Ф. А., Ахоров, Х. Х., Мустакимова, Ф. А. Качественные характеристики преподавателя вуза // Теория и практика современной науки. — 2018. — № 10 (40). — С. 17–20.
6. Указ Президента РФ от 09.11.2022 № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» // Собрание законодательства РФ. 2022, № 46, ст. 7977.
7. Философский энциклопедический словарь / под ред. Аверинцев С. С. и др. — М.: «Советская энциклопедия». — 1989. — 840 с.

8. Шибанова Е. К. Преподаватель высшей школы: герой нашего времени // Преподаватель XXI век. — 2015. — № 2. — С. 85–94.

9. Тузовский И. Д. Постправда как синдром цифровой эпохи: предельное понимание феномена и сценарии будущего // Философская мысль. — 2020. — № 12. — С. 42–60.

10. Маслов В. М. Проблема определения, основные формы и перспективы релятивизма // Вестник ВятГУ. — 2019. — № 4. — С. 7–15.

11. Дмитриев Н. Д. Интеллектуальная собственность в науке, проблемы ограничения корректного и некорректного заимствования // Скиф. — 2020. — № 11 (51). — С. 121–127.

12. Иванова О. Э., Гнатышина Е. А. Сократический диалог как метод управления проблемами // Философская мысль. — 2018. — № 4. — С. 59–65.

Сведения об авторах

Балак Павел Александрович, Нижегородская академия МВД России; Россия, г. Нижний Новгород; email: pavel.balak6@mail.ru; 603950, Россия, Нижний Новгород, Анкудиновское шоссе, д. 3; курсант 4 курса ФПСРЭП, рядовой полиции.

Научный руководитель:

Фирсова Анна Михайловна, Нижегородская академия МВД России; Россия, г. Нижний Новгород; email: rafy-anna@mail.ru; 603950, Россия, Нижний Новгород, Анкудиновское шоссе, д. 3; профессор кафедры социально-гуманитарных дисциплин Нижегородской академии МВД России, докт. пед. наук, канд. фил. наук.

Научное издание

Труды Барнаульской духовной семинарии. Выпуск 16

Администратор сайта: иерей Иоанн Макаров
Компьютерное макетирование, верстка: Белясов В.В.

Издано в авторской редакции
Подписано в печать 10.01.2026 г.
Формат 84x108/16. 4,1 усл. печ. л. Бумага офсетная
Тираж 30 экз. Заказ № 18
Отпечатано в ИПП «Алтай»
656043, г. Барнаул, ул. Короленко, 105
Тел.: (3852) 63-34-87